

Горбушин Максим

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Туда, где фабрикут облака

Максим Горбушин
Туда, где фабрикут облака

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Горбушин М. С.

Туда, где фабрикуют облака / М. С. Горбушин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Утопия. В выверенной и заранее просчитанной до всяких мелочей системе - человек приобретает смысл собственного бытия находясь в утробе матери. Переходя через просчеты Искусственного Интеллекта и свет городской жизни уже с именем, вытекающей должностью и возможностью заниматься после работы всяческими развлечениями, в конечном счете он умирает и его заменяют. Царствует счастье, гармония и мир. Однако в этой идеально функционирующей системе - происходит убийство. За расследование назначают двух детективов, являющихся полной противоположностью друг-другу. И чем больше те рыскают и пытаются наткнуться на новые факты, тем сильнее они путаются в глубинах своего собственного подсознания. Содержит нецензурную брань.

Содержание

6 Смит	5
5 Хоук	12
7 Смит	19
4 Смит	28
8 Смит	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

6 СМИТ

У этой истории, чье начало лежит через конец, безусловно, не могло быть должного финала. Мы просто бежали по дороге абсурда и верили в свободу. Искали то, что нас всех объединяет, и то, что нас всех разъединяет – какую-нибудь глупость, названную смыслом жизни. Только вот будем честны – люди постоянно что-то ищут, не ставя перед собой сознаваемый вопрос, в следствии чего и ответ получают заведомо неверный. Потому, кто мог знать, что самый важный из них, на который нам еще только предстояло ответить – куда прилетит бумажный самолетик?

Клочок бумаги, который, возможно, прямо сейчас валяется у вас в шкафу и покрывается пылью времени, уже в третий раз оказывался причиной необычных смертей. Ни разу не расправив крылья, он мялся в руках бездушных тел и знаменовал свое величие. Заполнял и без того зловонный воздух, разрушенного людьми мира, запахом смерти.

Но кто же в таком случае я? В паспорте под галочкой было написано «человек», но таким себя я не считал и не считаю. Да и слово-то такое – «че – ло – век», словно им описывали какое-то растение. Нет, гораздо проще, когда называли по профессии или вовсе не обращались. Так я оставался самим собой и не терял индивидуальности из-за других тысяч похожих на меня «человеков».

А имя мне дали давно, и будьте уверены, оно мало что значит. Стен Смит. Его выдают, когда получаешь работу, и оно остается с тобой до самой смерти. Вслед за мной придет такой же человек, чье имя будет Стен Смит и так далее, и так далее. Этот механизм прекратит крутиться, только если закончатся все люди и никаких профессий более не будет.

Ну, а теперь это имя донашиваю я, как и должность ловца из детективного агентства Республики. Это как несчастная рубашка, которую никто не хочет носить, но которая в итоге все равно кому-нибудь достается. Хотя за других я точно и говорить не могу, так как долго из них никто не прожил. Потому мне постоянно приходится глушить свои мысли в угоду развлечениям, продолжая жить в неведении. Глупый народ – сильный народ. Глупая страна – счастливая страна.

И если заглянуть на мой счет, то там наверняка можно найти уйму денег за это. Хотя быть точным я не могу. Просто мне неинтересно знать то, что в любом случае от меня не зависит. Куда важнее делать именно то, что просят.

Будет лучше, если я сразу скажу, что люди практически вымерли. Сотни войн, прошедших еще до моего рождения, уничтожили Землю в том виде, в котором многие ее помнят. Животных почти нет, а растения в любую секунду могут исчезнуть раз и навсегда. Единственная радость в этой ситуации, как и в любой борьбе, то, что были созданы не только ужасающие вещи, но и прекрасные.

Один ученый, чей вклад в историю запомнился лучше его имени, создал программу, способную составлять и анализировать саму себя. Он дал ей имя – «Искусственный Интеллект», чья основная задача была мыслить и проявлять человечность. Пока шли войны, никто о ней и не вспоминал, но Земля продолжала истощаться и умирать. Тогда программа осознала, что единственное решение, в сложившейся ситуации – спасти нас. Это перешагнуло все, чего добились человечество.

На подобие людей Искусственный Интеллект сделал андроидов и объединил нас всех в одном городе-стране Республика. Место, где оставшийся клочок земли еще мог давать плоды. Здесь люди могли жить и спокойно заниматься обычными делами, но по некоторым правилам, основными из которых были: уничтожение любого творчества и запрет на любовь. Кара за проступки настигала быстро – стиранием воспоминаний и обратным выходом в свет. А про-

ходило это все в здании под названием «Общество помощи». И помощи, создатель, тому, кто туда попадет.

Телевидение и интернет трещат об этом каждый день и забивают наши мозги хоть каким-то понятием о былом. Здесь даже выделен час на разговоры о прошедшем, но лучше не забывать, что молчание – это наше единственное спасение. За лишнее слово могут причислить к неугодным гражданам, а таких правонарушителей и мыслепреступников как раз вылавливаю я.

Работа сама по себе не сложная, так как у таких людей даже цели бывают слишком поверхностными и глупыми, но 28 июля 2128 года произошло то, чего никто не ожидал.

На следующий день я уже взялся за работу.

Моя машина с воем подлетела к небоскребу и стала плавно опускаться. Здесь уже всюду орудовала полиция, никого не впуская. Отовсюду доносились крики и стоны. Люди сошли с ума, и я точно знал в чем была причина. Все боялись, что кто-то будет копошиться в их в секретах и тайнах. Во всем, что каждый успел наделать за свою сознательную жизнь. Но, поверьте, это бесполезно. Если ты – дитя Республики, то все, что ты скрываешь уже давно известно.

Я даже ухмыльнулся, но на большее не посмел. Можно быть уверенным, что за мной пристально следили чьи-то глаза и не следовало выходить за рамки дозволенного.

Ко мне приблизился человек с оружием наперевес, одетый в черный бронированный костюм с необычным по форме шлемом. В прорезях для глаз пробегали красно-синие огоньки, а по бокам его плеч располагались значки и звезды, указывающие на звание и личность носителя обмундирования.

– Комиссар Смит, – услышал я искаженный голос полицейского – Рад, что вы добрались без происшествий.

Я ответил, что все нормально, но меня беспокоит эта толпа. Мой собеседник кивнул, и мы вместе стали пробираться вперед сквозь нее.

Всюду кричали: «Ложь!», «Верните его, он должен жить!», «Создатель, за что?». Временами были слышны плачь и стоны, а голоса их дрожали, будто вот-вот сорвутся. Но знайте, что все эти люди были прекрасными лжецами. И под какой бы маской они ни прятались, я точно знал, что в душе у них совершенно другие эмоции. Ведь я не испытал ровным счетом ничего и точно знал, что смерть – дело поправимое.

Мы вошли внутрь здания. Здесь тоже были люди, но их было значительно меньше, чем снаружи. В основном все шепотом перекликались и узнавали подробности о возникшей проблеме. Только одна бабка кричала на своего пса и била его палкой.

– Старая дрянь! Не смей убегать, не то худо будет! Сдалось мне это животное, уж лучше бы и ушел, да только издохнешь ведь в тот же день! Ух, я тебя!

– Послушайте, – произнес я и тем самым привлек внимание всех, кроме той, к кому обращался, – вы бы не били его, а то он и правда уйдет.

– Да пусть бежит! Мне-то что? – огрызнулась пожилая женщина, а затем тихонько перевела взгляд в мою сторону. – Давно ему сдохнуть пора, да только чинят его постоянно, а новую не дают. Этот старик уже отжил свое, а что дальше будет, меня и не касается! Да посмотри – животное даже не настоящее, а только имитация! Нет у него чувств, а сам только и делает, что у меня эти чувства забирает!

После этих слов она немного спокойно посидела, но потом снова ударила пса, отчего животное съезжилось и заскулило. Он испытывал ужасающий страх, но продолжил тихо лежать пока старуха на него кричала и замахивалась палкой.

– Идемте, – произнес полицейский, и мы тихо побрели к лифту. – Таким, как ей, уже ничем не помочь.

Я спокойно ответил, что знаю, но для себя решил, что и помогать-то тут нечему. Эти двое хорошо дополняли друг друга: ведь одной хотелось ошутить власть, а второму являться рабом.

Одной нравилось опосредовать, а второму конспирологически воспринимать. У пса наверняка был шанс отомстить, но он продолжает ублажать хозяйку, что говорит о клетке, которую оба для себя приняли.

– Вы должны понимать, что это дело касается всех, а потому им заинтересовано не только ваше отделение, Стен Смит, – после этих слов сопровождавший меня полицейский остановился напротив. – У нас достаточно обученных ребят, чтобы превратить ее мозги в кашу, но мы не можем трогать людей, пока они находятся под защитой закона. Так что даже не смейте ставить под сомнение компетентность нашей работы, иначе мы можем оказаться по разные стороны баррикад.

– Мне было просто интересно узнать, неужели ей так нужен новый пес, – вполне уверенно соврал ему я. – Но сейчас куда любопытнее стали ваши слова. Вы уже проводили допрос?

– Да. Все, кто на первом этаже, имеют алиби и говорят лишь о каких-то ненужных мелочах...

– Это даже лучше. Люди не задумываются о мелочах, из которых состоят, а потому и умирают мелочными. Ну а эти только о них и болтают.

После этих слов он вздохнул. Мы снова продолжили шествовать к лифту, где уже стояло несколько человек из других отделов.

– Все не так просто. Улик, указывающих на убийцу, нет. Нет ничего, что бы указывало на наличие еще одного человека в квартире.

– А убитого уже распознали?

Мне сунули в руки планшет с досье жертвы.

– Его имя Том Вайт, и на момент смерти ему было пятьдесят пять лет. Человеческая форма жизни. Работал в правительстве и занимал важную должность по работе с населением. Наверняка вы видели его в новостях.

– К несчастью, не доводилось, – с досадой произнес я, но потом задумался: не взболтнул ли чего лишнего. – Каким он был?

– Ну... Он не врал, но и ничего не обещал, а потому оставался неплохим кандидатом. Его политика – бездействие, а это, знаете ли, тоже выбор, требующий мужества.

Я кивнул, но ничего отвечать не стал. Для меня он одновременно и вырос в глазах, и пал. Благодаря ему я понял, что быть посмешищем – это то, что так необходимо людям, которые хотят хоть чего-нибудь добиться в жизни.

– Агент Стен, – внезапно произнес женский голос, – я вас давно уже жду.

Я улыбнулся, и мы все вместе зашли в лифт.

Женщину, что нас встретила, звали Джулия Роуз, и для многих ее имя было не меньшей загадкой, чем происходящее вокруг. Она не выходила из офисов и всегда была одиночкой, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания и не вызвать насмешливых взоров и слов. Всему виной было ее лицо – сморщенное, перекошенное и абсолютно не естественное. Оно было как напоминание о тех днях, когда не думали о последствиях войны и наших детях. Не думали о жизни в будущем, а то и в настоящем. Но теперь для обычных людей она – «головастик» и та, за чей счет можно самоутвердиться. Потому если она и выходила на свет, то делала это в особой маске, прикрывающей голубые, а может быть и карие глаза, мягкие губы и, должно быть, настоящую душу.

– А вы очень смелая, раз решили сюда приехать, – отозвался полицейский, и на что Джулия сразу отвернулась. – Но такое дело, как это, требует вмешательства каждого, кто хоть чем-то может помочь. Сюда поступают все новые и новые отделы, о многих из которых я даже и не подозревал. Хорошо, что Республика беспокоится о нас и о безопасности.

«Безопасности для кого? – гневно подумал я, но резко осекся. – Нет. Он, как и многие, просто следует правилам и живет так, будто не видит ничего вокруг. Или, возможно, он, как и

я, все понимает, но за рамки выходить не хочет. Только одно я знаю наверняка – перед нами стоят равные условия бытия».

– Ты все выполнила, что хотела, Роуз? – обратился к ней я, но она все так же смотрела куда-то в сторону.

– Психическое состояние каждого человека в норме, только вот... – ей было сложно выдавить из себя хоть слово.

– Что ты хочешь этим сказать?.. – но прежде, чем она успела мне ответить, вмешался полицейский:

– Твой напарник уже прибыл.

– Его... – начала опять Роуз, но вновь застеснялась, от чего заговорила так быстро, как только могла, – его зовут Макс Хоук и его поставили вам на это задание. Простите, что не информировала вас раньше.

– Напарник? – спросил я так тихо, будто вопрос был задан лично мне, а не кому-либо еще.

За все то время, пока я работал в агентстве, мне доводилось разбираться во всем лишь в одиночку, а потому я был волен распоряжаться своим расследованием как мне заблагорассудится. Но с приходом нового участника все могло поменяться. Между равными всегда был лидер – это то, что я знал лучше всего, и то, что я хотел бы, преподнести для нового члена команды. Только вот все оказалось не так просто, как я планировал.

Когда двери лифта двинулись, я увидел множество людей, мечущихся по коридору. Они фотографировали и выискивали хоть какую-нибудь информацию о расследовании. Все они искали броский заголовок для вечерних телепрограмм и новостей в интернете. Для них гибель – не фиаско доброты этого алчного мира, а скорее способ рассмешить народ и дать расслабиться вечером за чашкой чая. В их глазах нет более страха, а на лице лишь пятиминутная ехидная улыбка. Среди всей этой толпы выделялась женщина в достаточно опрятном деловом костюме и, если бы я ее не знал, то посчитал бы интересной особой. Но она была лишь красивой оберткой. Звали ее Анна Броук, и именно она являлась, «голосом народа».

– Детектив! – при виде меня она сразу закричала и привлекла внимание всех рядом стоящих. – Детектив, разрешите задать вам несколько вопросов!

Увы, все мои попытки бегства от Анны всегда заканчивались провалом. Подбежав, она сразу сунула микрофон мне в лицо и попросила смотреть в камеру.

– Такой прекрасный день для Республики! Для всех нас он стал интригующим, означающим началом новой эпохи! Расскажите, какие действия проводятся для разбора этого дела? – после этих слов она сразу заулыбалась и стала смотреть на меня словно голодная змея.

– Дело еще разбирается, а я только сейчас прибыл на место преступления. Сказать что-то большее, чем другие, не могу.

Ответ Анне Броук понравился, и она сразу перешла к следующему вопросу.

– Прекрасно, прекрасно. А что вы скажите на счет новых выборов? Будете ли голосовать за кого-то?

– Ну, что же... – начал я, но задумался. Разумеется, это все было для того, чтобы выставить меня идиотом, а затем высмеять в каком-нибудь шоу. – Этого я пока не знаю. Необходимо для начала ознакомиться с претендентами и тем, что они хотели бы привнести.

– Но постойте, разве вы не собираетесь дать шанс андроидам стать заменой прошлого кандидата?

Ее глаза загорелись, и она сразу осознала, что загнала меня в угол. Мне ничего не оставалось, как только ответить наименее радикально. Но, как только я открыл рот, меня сразу перебил незнакомый мне голос:

– До чего же глупые речи ты толкаешь, блондинка! Может еще спросишь каким мылом он пользуется и из чего оно состоит?

На встречу нам вышел мужчина в очках и в пальто, по форме больше напоминающий кольчугу, состоящую из маленьких плиток. В плечах он был широким, тело подтянутое, а лицо далеко не страшное. Ранее его я никогда не встречал.

– Я не понимаю вас... – в шоковом состоянии начала болтать Анна, отступая.

– Но ты и не поймешь, – после этих слов он взял меня за плечо и высвободил из цепких лап этой женщины. – А теперь, если позволишь, нам с коллегой стоит поработать.

За моей спиной Броук еще какое-то время находилась в ступоре и не осознавала происходящее, но как только мы отделились, – сразу опомнилась и нашла себе новую жертву в лице Роуз. Не то, чтобы я желал после всего этого помочь той выбраться из такого положения – но и бросать ее на произвол судьбы мне тоже не хотелось. Останавливал меня лишь закон, которому я так беспрекословно подчинялся и который держал меня словно собаку на поводке.

Подойдя к квартире жертвы, я, наконец, решил спросить у этого человека, кто он такой, но смог произнести только:

– Неужели ты так не дорожишь своими правами, что готов вмешаться в настолько тонкие дела Республики?

Мой вопрос несколько его не удивил и не задел, а потому он, долго не раздумывая, ответил:

– Разумеется, человек больше всего боится потерять свои права, а поскольку я и есть человек, то боюсь. Но не нужно же мне было бросать такого, как ты, на растерзание.

Я удивился честностью ответа, но старался не подавать вида.

– Так ты еще и не андроид. В таком случае за твою дерзость тебя накажут по всей строгости закона. Разве нет у тебя истинного страха?

– Но чего на самом деле мне бояться? – удивился он. – Хоть страх у меня и есть, как и у любого другого человека, но я скорее не обращаю на него внимания. Впрочем, если так хочешь, то можешь арестовать меня, – после чего он вытянул свои руки и закрыл глаза, готовый к любому повороту судьбоносных решений. Но у меня и в мыслях не было совершать нечто подобное.

– Убери, – ответил, и он открыл глаза. – Это самосуд, а я не хочу решать за Республику твою судьбу. К тому же так тобой можно слишком легко манипулировать.

– Хороша та ячейка общества, которой проще всего пользоваться, – ответил мой оппонент и оставил только одну руку вытянутой, – но она же и самая опасная. Будем знакомы – Макс Хоук.

Его предложение о дружбе я принял, пожав руку, с некоторым скептицизмом. Перед этим я незаметно от него, оглянулся по сторонам. Мои опасения на счет новичка были обоснованы и адекватны – такую манеру общения никто поощрять не собирается. Он может стать легкой мишенью для закона, когда напрямую никто не говорит о твоей виновности. А ведь он так и просился чтобы на него обратили внимание и связали.

Наконец, дверь распахнулась и тихий ужас стал потихоньку окутывать меня, заполняя каждую клеточку страхом. Меня наполняли ужасные запахи крови и чего-то протухшего или даже сгнившего. Со мной еще не случалось похожего и мне пришлось сдержать рвоту, отвернувшись в сторону.

– Скажи мне, что ты видишь? – удивительно спокойно произнес человек, чья фамилия была Хоук – Место? Или может быть действие?

Такой вопрос, привел меня в ступор. Удивительным было и то, каким образом он произнес свои слова – будто холодным лезвием провел по глотке и высмеял мою пропавшую храбрость.

– О чем ты? – переведа дух, произнес я и еще раз посмотрел на место преступления.

Вокруг были люди, но я даже не замечал их присутствия. Завораживало меня скорее все остальное; квартира, забрызганная кровью и издающая невыносимое зловоние; разбросанные

то тут, то там вещи и, наконец, сам труп. Его поза молила о прощении за нечто ужасное, совершенное еще при жизни.

– Все эти места, вещи, люди, убийства интересны тем, что в какой бы обертке они нам ни преподносились, каждый видит их по-своему. Словно они меняются окраской в зависимости от тех рук, в которые попались. К примеру, этот труп тебе противен, а мне интересен. Для многих других этот труп может значить не больше, чем камень на улице, и этот вариант не даст им никакого угрызения совести. Такая теория оценок так же абстрактна, как и наше представление о ней. Так что, возвращаясь к моему вопросу, ответу так – сейчас это «действие», потому что мы здесь существуем, но любой другой человек со стороны просто скажет, что это место. Все относительно. Даже мы с тобой.

Я посмотрел на него еще раз, но теперь не увидел на его лице абсолютно ничего. Он как будто стал куклой со стеклянными глазами и застывшей улыбкой.

– Нам стоит начать осмотр, – с необъяснимой злостью произнес я, и мы вместе зашли внутрь.

С нами поздоровалось несколько человек, но диалог мы ни с кем затевать не стали. Первым делом покрыли свои руки специальной жидкостью, чтобы не оставлять следов своего присутствия, ну а позже прикрепили прозрачные пластинки от всех запахов рядом с носом.

– Если ты на таком задании впервые, то знай – можно легко растеряться и начать ходить кругами, – я сразу решил дать совет новичку.

Но Макс даже не подал виду, что недоволен нравами и вместо агрессивного ответа, просто сказал:

– Какой же тогда смысл быть правым если при этом ты не совершаешь ошибки?

Мы оба кивнули и приблизились к омерзительному трупу. По бокам его толстого и массивного тела виднелись жировые складки. На его губах была засохшая рвота, на голове залысина. Руки и ноги – свободны и на них следы порезанных вен. На запястье красовалась новая модель боксов – электронных помощников в защите организма и отслеживании его здоровой жизни. И что самое важное – в его руке находился окровавленный мятый бумажный самолетик.

– Сомнений нет и не должно быть, – произнес Хоук, но на его слова я отвечать не стал.

Броксы, что перетягивали руку Тома Вайта, помимо слежки за здоровьем еще и выполняли функцию слежки за объектом. Когда я подключил его к своему устройству, то увидел все места, где Том частенько бывал и подолгу находился.

– Взгляни, – произнес я и продемонстрировал находку, – здесь упоминается работа, дом и...

Мы удивительно переглянулись друг с другом, а затем одновременно произнесли:

– Школа...

– Это очень странно, – сразу добавил Макс – но вполне возможно, что ответ лежит где-то на поверхности.

– Ответ всегда намного ближе, чем мы думаем, но стоит об этом узнать, как туман незнания пропадает, и мы оказываемся в пустоте. Знания режут пелену перед глазами, но страдает от этого наша фантазия – подумал я, но озвучивать это не решился.

Вместо слов, что вероятнее всего сделали бы меня противником народа, я решил осмотреть помещение и найти хотя бы минимальную возможность уцепиться за разгадку.

Первым делом я взглянул на бумажный самолетик – помятый, опороченный алой кровью, но идеально сконструированный и ни разу не взлетавший. Он оказался пустым и бессмысленным. Затем я проверил его одежду – она была как у обычного среднестатистического зажиточного человека со множеством дорогих костюмов, уже разрывавших шкафы. Среди них были как плохие, так и хорошие. Далее я осмотрел холодильник и увидел большое пристрастие к алкоголю и малое количество правильной и здоровой пищи. На полу валялись вещи – но их значимость сравнима с песчинкой. Иными словами – улик и правда не имелось.

– Скорее сюда, – откуда-то из ванны донесся голос Макса.

На стене горела слабая красная лампа, от которой становилось не по себе. Рядом с душевой кабиной красовался странный и одновременно пугающий рисунок глаза, а также надпись, выполненная черной краской: «Теперь я познал истину и имя ЕМУ – невежество. Теперь я свободен и могу жить, не задумываясь о завтрашнем дне. Но бывает, ОН смотрит на меня, присматривает. Лишь ЕГО глаза меня действительно пугают.»

– Невежество не открывает глаза на происходящее, как об этом думал он. Оно лишь вводит нас в заблуждение, доказывая существование свободы, которой на самом деле никогда не было, – произнес Макс и словно бы ушел вглубь самого себя.

– Видимо у него было очень шаткое здоровье и ему следовало обратиться к врачу. Однако я все равно не верю, что это могло быть самоубийство.

– Броксы Тома должны были заметить изменение в организме и начать подавать тревожный звонок. Но ни о каких травмах не упоминается, а значит...

– Значит то, что он был здоров, либо его броксы были сломаны. Также есть возможность что эта надпись была сделана не этим жильцом, а кем-либо другим.

После этих слов мы вдвоем еще какое-то время осматривали помещение, но не нашли ничего нового. Мы вышли на балкон, закурили электронные сигареты, которые теперь лечили, а не калечили организм, и задумались каждый о своем.

– Неужели это и правда происходит снова? – слетело у меня с губ скорее намеренно, чем случайно.

Хоук какое-то время молча курил, но затем внезапно ответил:

– Я уверен, что за всем этим стоит не человек, Стен, – его глаза пристально рассматривали бегущие по небу облака. – Подчинение, как и зависимость, – составляющая любого нормального человека. Над нами всегда есть тот, кто выше, а под нами тот, кто ниже. Но если кто-то выбивается из этой системы – он становится богом.

Такое заявление меня ошарашило и заставило задуматься. Мой взгляд устремился вдаль, и я увидел стоящую вдалеке фабрику, откуда нежно, словно перышко, взлетало белое и пушистое облако. Ни с того, ни с сего я вдруг произнес фразу, которую не ожидал услышать даже от самого себя: «Туда, где “фабрикут облака”».

– Хочешь сказать, что мы начнем играть с богом? – спросил я у Хоука.

– Эта игра уже давно началась – ответил он, и, резко развернувшись, направился к выходу.

5 Хоук

– Счастье – это не то, за чем гонится человек, а то, от чего он убегает, – начала говорить женщина и затянулась сигаретой так, будто это был самый сладкий запах цветов или невероятно нежный запах кофе с молоком. – Когда человек дарит нежность и заботу, то люди думают, что это любовь. На самом же деле, такие эмоции являются лишь следствием. Да и посмотрите на меня – разве может такая славная проститутка, как я, подарить любовь? Бросьте, это иллюзия.

После этого она замолчала и осмотрела всех людей, что находились каким-то образом так близко и так далеко. Всего нас было десять человек. Десять обманщиков, притворщиков и просто омерзительных животных для социума. А во главе этого круга сидел наш вечно излюбленный пастух, а точнее пастушка – доктор Сара. Ее лицо всегда так блистало, будто она умывалась утренней зарей и питались исключительно счастьем и радостью. И многие задавались вопросом: человек ли она вообще? Но если вам так интересно, то нет. Она была самым настоящим андроидом, призванным дарить заботу.

– Прошу, мисс Эмбер, – произнес ее нежнейший голос, – мы хотим узнать, как можно больше о вашей истории, чтобы помочь. Вы очень ценный человек, и ваши друзья хотят, как можно скорейшего вашего выздоровления.

Проститутка ухмыльнулась и игриво скрестив ножки, выстрелила взглядом прямо в меня. Тело ее было чистым, свежим, груди открыто выпирали из глубокого декольте, а лицо хоть и уступало в красоте доктору Саре, однако тоже было по-своему весьма привлекательным.

– Я не верю вашим словам, доктор, – произнесла Эмбер так тихо, что заставило мое сердце затрепетать. – Ни одному вашему слову.

– Стоит ли тогда напоминать, что именно этот поступок поможет вам остаться индивидуальной личностью и обладательницей памяти?

– Нет, – так же тихо ответила Эмбер и выпустила клуб дыма. Из ее глаз тихой струей, будто осенние ручьи, побежали слезы.

На самом деле в девяти случаях из десяти, человек мог бы спокойно рассказать о содеянном и в полном одиночестве. Но врачам нужно, чтобы ты устыдился себя, даже если не сделал ничего постыдного. Для них все мы лишь актеры на театральном поприще.

– Неужели нам необходимо повторять это снова и снова? – вмешался я в этот диалог и тем самым привлек к своей персоне слишком много внимания.

От одного взгляда Сары мои чувства сострадания улетучились, и я был готов снова тихо сидеть на месте.

– Вы же знаете правила общества помощи, мистер Хоук. Это все для вашего здорового сознания и подсознания. Каждый должен найти себя, Макс, и вы тоже обязаны это сделать.

Но я не искал себя. Это было даже не потому, что мне не интересно узнать кто я, а потому, что потерять самого себя попросту невозможно. Разве может какой-то проступок или подлость изменить наше непоколебимое сознание? Да и любое сознание – это всего лишь два зеркала, направленные друг на друга, и потеряться среди них было бы весьма проблематично, а вот удариться головой в надежде узнать, где кончается наше представление и начинается реальность казалось мне возможным, и я бы даже сказал, вполне естественным. Все же сейчас, рядом со мной сидели десять человек с похожими историями и жизнями, различия были лишь в месте и людях. Все мы знали, что из-за правонарушения нас ждет расправа. Но еще лучше мы знали, что без этого же наказания у нас отсутствовал бы страх, а значит не было бы добра и зла.

Но лично я не боялся и не боюсь этого до сих пор. Вернуться в Республику можно лишь двумя способом, и оба они означают практически одно и то же: стирание памяти или признание своего поступка неправильным и фальшивым. Так чего же бояться, если исход один? А чтобы

мы не врали, перед каждой такой реабилитацией нам давали таблетку правды и заставляли смотреть друг на друга – наблюдая за угрызениями совести других. Лишая нас воли и тела, закон пошел дальше и лишил нас права иметь собственное мнение.

– Что ж, – слетело с нежных губ Эмбер. – Люди не столько хотят узнать правду, сколько боятся ее услышать. Я бы и сама не захотела узнать о такой истории и тем более не желала даже думать о ней. Но приходится вырабатывать привычку говорить то, чего не хотелось бы. Это даже забавно, – тут она в последний раз выпустила облако дыма из своих легких, затушила сигарету и начала смотреть куда-то вверх, где возможно был день, а может быть и ночь. В этом помещении времени не существовало, и часы были под запретом. Никто не знал для чего это, но все как один нуждались хотя бы в неправильном, но предположительном отсчете. По моему мнению, сейчас было ровно три часа дня, и лицо этой блудницы заливало яркое солнечное сияние.

На мгновение наши взгляды с Эмбер пересеклись, и мы стали ощущать себя равными. Оба находились в глупом мире, оба были вне закона и оба не хотели говорить, даже когда слова вырывались из нас словно на вскрик. Мне хотелось ей хоть чем-то помочь, но при этом каких-либо чувств к ней я не испытывал. Мне не хотелось от нее ничего кроме жаркого, пылкого и яркого секса. Я был словно дрессированное животное и при ее виде желал коитус как безумный. От себя становилось противно.

– Мы вас слушаем, – слова доктора вырвали меня из пучины мыслей и заставили вернуться к настоящему.

– Когда мы только приходим на место работы, – нам сразу говорят о тех условиях, что нас ждут. Разумеется, это только для тех, кто хочет превратиться из обычной потаскухи в желанную и примечательную леди. Все достаточно просто – обслуживай по сотне человек и тогда ты пробьешь себе путь наверх, где будешь доступна лишь для единиц. Печально, но такой опыт присущ почти в каждой профессии, – она рассмеялась, и грустная улыбка раскрасила здешнее время пребывания. – В таком темпе ты не видишь людей, а значит и их лиц – для тебя все равны и возраст с полом уже не имеют значения. Именно тогда я поняла, что у каждого есть свой уникальный цвет души, отличающий его от других. Красные – они горячи, но сгорают так же быстро, как загораются. Синие – неряшливые, но не боятся жить и всегда ищут что-нибудь новое. Зеленые – яркие, однако очень зажатые. Но больше всего мне нравятся бесцветные. И если кто-то из вас подумал, что они такие всегда, то вы жутко ошибаетесь. На мгновение они могут окраситься в любой цвет радуги и засиять еще ярче остальных. От одного из таких бесцветных я как раз и забеременела.

Многие из нас уже знали эту историю, а потому не сильно расстраивались, когда голос Эмбер внезапно начинал дрожать и пропадал словно взлетевшая птица. Мы не сильно расстраивались, когда она пропускала какие-либо важные детали в истории, а затем на следующий день вспоминала их и впихивала в каком-нибудь другом совершенно несуразном месте. Но что нас сильно расстраивало, так это то, когда наступало невыносимо правильное молчание, а это ведь самая настоящая редкость. Обычно если кто-то молчит – то он жаждет сказать что-либо вдвойне, но по лицу рассказчицы я мог бы сделать вывод, что каждое слово для нее было словно кинжал, вырывающийся откуда-то изнутри, разрезая горло.

Доктор Сара при этом отчетливо и аккуратно вводила на планшет какие-то данные и старалась анализировать общее состояние каждого. Разглядывая ее тонкие руки, грациозную фигуру и нежные, словно бархат, движения, я и сам не заметил, как засмотрелся на эту умопомрачительную женщину. Сара удивленно поглядела на меня, будто ожидая какого-либо вопроса, но вместо этого я подмигнул и на ее лице распласталась улыбка.

В тот самый момент мне пришел в голову вопрос: «Что это значит – быть человеком?» Если говорить об эмоциях и чувствах – то они больше не принадлежит нам. Теперь они стали неким достоянием и то, чем мог бы воспользоваться даже андроид. Если это так, то выходит,

что лишь закон держит нас в рамках человеческого существования. Но что есть закон, а что преступления? И есть ли действительная связь между ними? Как понять, когда проступок – преступление, а когда шалость, не требующая внимания? Только лишь по книге правил, где люди обдумывали способ наказания за любое неповиновение? И почему общество вообще обязано сводиться к каким-либо правилам, уступая место страхам, вместо разума? В голове у меня роился миллион вопросов, и я не в силах было приблизиться даже к зачаткам этого грустного и феноменального опыта, но мне почему-то очень этого хотелось.

– Вы же сразу могли измениться и не создавать нашим добрым друзьям столько хлопот, – произнесла Сара и оглядела присутствующих, как будто выискивая среди них одобрительные возгласы. – Изменили бы свое настоящее, то прошлое и будущее приоткрыло бы для вас совсем другие двери.

– Человек никогда не сможет изменить свое прошлое или будущее, – холодно дала ей ответ Эмбер, – но у меня было достаточно сил, чтобы пойти против себя.

Последние слова заставили меня вздрогнуть и осознать на сколько чувственная началась борьба взглядов. Эмбер пыталась защитить свободу, и я с ней был солидарен, но Сара защищала гораздо более значимые понятия для людей, такие, как закон и человечность. Их обеих переполняли эмоции, и я пристально наблюдал за каждой из них, наслаждаясь. От одной женщины мне хотелось заботы, а от второй секса – и ни с одной бы я не провел больше тридцати минут.

– Жалко видеть, что такие люди, как вы, растрачивают свой потенциал и время на незначительные ветреные идеи, – продолжила Сара с тем же непоколебимым тоном.

– Но что дает мне жизнь без собственных амбиций и идей?

– Наша прекрасная Республика специально каждому подбирает идею для всей его жизни. Проституция – работа государственная и самая важная на сегодняшний день.

После таких слов Сара не смогла более сдерживать саркастическую улыбку.

– Велика ли заслуга – облапать десяток другой мужчин и довести до чувств тех, кто уже и не помнит, что это. Когда я поняла, что беременна, меня уже повесили за заслуги и причислили на попечение к одному очень жирному, но богатому мужчине. Он меня лапал, бил и заставлял делать все, что ему захочется. – Но никогда не получалось у него довести себя до оргазма. Когда он хватал меня и сжимал или наоборот старался быть ласков и нежен, я молчала ему назло, но знайте, что ненависти к нему у меня не было. Мы доставляли друг другу равные чувства боли, а потому во мне не было ровным счетом ничего кроме пустоты. Со временем я стала понимать, что быть куртизанкой для старика – это не то, чем я бы хотела жить. Рассказав Республике про свое дитя, я загубила бы не только свою жизнь – но и жизнь ребенка, который еще даже не родился. Потому сначала я ненавидела и проклинала свое чадо, но затем отчетливо осознала, что за всей этой мишурой появляется особенное чувство – любовь.

Сидящие рядом с нами люди с таким же удивлением наблюдали как обычный разговор превращался в войну этих нежных женщин. Несколько слушателей попали в этот кабинет из-за пустяка вроде кражи или лишнего слова в интернете и обычно больше всех кричали о том, насколько не прав оратор, и что они верят только доктору Саре. Но сегодня была обволакивающая тишина, превращая нас в декорации для лечения одной из самых главных больных.

– Значит ты почувствовала настоящую любовь? – удивленно спросил я. – Но как ты это сделала?

– Любовь – это искусство и не у всех есть вкус, чтобы ее различить. Мне удалось хотя бы на короткое время познать и понять ее ценность, – постаралась ответить как можно деликатнее Эмбер, но рядом раздался смех.

– Вы люди очень меркантильны, – с улыбкой оправдывалась Сара. – Все на свете стараются оценить. Даже себя вы ставите наравне с деньгами и даете себе цену как любому другому

товару. Как в магазине вы сначала смотрите на ценник, а потом на товар, так и в жизни ваше отношение зависит первоначально от цены.

Эмбер постаралась отнестись к ее словам скептически и закурила вторую сигарету. Больше всего на свете мне хотелось верить, что таких правдивых людей, как она, гораздо больше, чем один человек. Ее истина колола, высмеивала и рождала сомнения в наших умах. А самое главное эта правда могла конкурировать с правдой андроида и за этим не следовало наказания за неповиновение. Это многого стоит, и уж я-то это знал.

– Вы достойная женщина, Сара, – произнесла Эмбер и хитрыми глазами осмотрела доктора. – Но вы считаете, что помогаете нам?

– Достойные люди, как правило, достойно стоят в стороне. Помочь себе вы можете только сами.

– Забавно, – тут же ответила проститутка. – Вы же могли каждому из нас просто дать то, чего он хочет. Зачем весь этот сыр-бор?

– Дать человеку то, что он хочет, – фраза завуалированная. Где же вы видели, чтобы человек знал свои желания?

– Не желания, а стремления, доктор Сара. Каждый стремится к своей смертной участи, а это и есть то, чего он хочет.

Внезапно обе женщины замолчали и вновь воцарилось пауза. Оглядывая каждого из тех, кто здесь находился, я осознал, что речь Эмбер для многих была бредом сумасшедшего. Они смотрели на нее с некоторым отторжением и неприязнью. Никто кроме меня не осознавал значимость произнесенного. Но больше всего меня интересовало: стоила ли игра свеч и проиграла ли при этом Эмбер? Хотела ли она того, чтобы хоть кто-то проникся ее истинной и был после этого готов поддержать ее, несмотря ни на что?

Но как только я открыл рот, доктор Сара встала и легким движением руки обвела всех, кто находился рядом с блудницей.

– Видите ли, – начала она и села на стул рядом с Эмбер. – Ваши слова здесь никого не впечатлили. Поете вы как соловей, но песнь понятна только вам. При этом было приятно узнать, что вы способны на такую симфонию.

– Из любых звуков можно сделать симфонию, – произнесла Эмбер и подарила холодный взгляд Саре. – Из любого человека можно сделать раба.

– Никто из вас не делает раба, мисс Эмбер. Республика лишь дает все для счастливого время пребывания здесь. Тут вам и счастье, и развлечения, и отсутствие безделья, и отсутствие бессмысленного существования – взамен нужно лишь беспрекословно выполнять закон.

– Бросьте! Институтция для вас словно ширма, за которой можно спрятаться, когда вы чувствуете угрозу. А пока власти поступают именно так – то и детей здесь не должно быть.

Лицо доктора после этого изменилось, и она впервые изобразила отвращение к пациентке, которую лечила. Спокойно встав, Сара пересела на то месте, где была до этого и с минуту просто заполняла какие-то данные на планшете. Это был последний раз, когда она что-либо писала об Эмбер.

– О Республике говорить что-либо плохо – это очень дерзко и смело, но, с другой стороны, глупо и бессмысленно.

Для Эмбер это был тревожный звоночек, но она продолжала тихо сидеть в стороне, не проронив ни слова.

– Заканчивайте свой монолог, – подвела черту Сара и сделала фальшивую улыбку.

Никаких пререканий, никаких знаков протеста, никаких возгласов после этого не последовало. Обе женщины вновь приняли свои роли и продолжилось лечение в том виде, в котором мы знаем его лучше всего – через внутреннее страдание.

– Внезапно, я осознала на сколько хочу свободы – вырваться из оков и делать все, что захочу. Я поняла, что должна чувствовать, жить, любить. Я словно поставила эти слова в рамку и сказала себе: «Вот это – мой настоящий факт».

– Из-за этого ты и убила своего хозяина? – последовал грубый вопрос от мужчины, что сидел по правый бок от нее.

– Он не был мне хозяином, – гневно вырвалось из Эмбер. – Не все факты на самом деле взаимосвязаны друг с другом, как вы думаете. Некоторые из них просто заводят в тупик, и это как раз тот самый случай. Осознание того, что я должна убить – пришло уже позже. Будто кто-то сказал мне на ушко: «Борись, бей, убегай, падай, лети, но прошу никогда не думай, зачем ты это делаешь. Ведь только так ты поймешь, что цели в жизни нет и единственное на что способен человек – это быть тем, кто исполняет приказы.»

В тот самый момент я осознал привязанность к Эмбер, возникшую во мне так неожиданно, что я чуть не подпрыгнул. Когда она говорила, то в голове у меня проскакивало миллион теплых, нежных и чуть влажных мыслей Эмбер. Я чувствовал нашу с ней связь и как только ее слова доходили до моих ушей, то наши души словно переплетались и занимались любовными утехами, а когда она замолкала, то связь обрывалась. Слова тянули нас друг к другу, но в тишине каждый человек был сам по себе. И на сколько бы сильно я ни понимал ее, в любом случае каждый из нас прожил уникальную жизнь, а значит мы были единственные в своем роде, хоть оба и имели точки соприкосновения друг с другом.

– Я хочу жить, как она, – проскользнуло у меня в голове так остро, что все мое мировоззрение изменилось, и жизнь, что была до этого, обратилось в прах.

Но я оказался таким единственным. Уж не знаю, таблетки правды это или нет, но люди в конечном счете всегда орали, обзывали и ненавидели тех, кто не мог ужиться вместе с ними. Словно защитный механизм в их голове глаголил о вторжении на территорию и необходимости в срочном порядке заклеить бунтаря в его явных позовах помочь остальным.

– Уродка, – раздавалось повсюду. – Долбаная шлюха! Вонючие отребье!

И всем этим ругательствам не было предела отчего даже доктор Сара съежилась на своем месте. Но не Эмбер.

– Сначала я убила мужчину, что жил со мной. Причин для этого было множество, а если сюда добавить все те, что вслед ему кидали люди, – то их число будет где-то витать в бесконечности. Он уже начал подозревать о моем дитя, так что медлить – означало бы позволить ему растерзать себя. Всего от двух ударов электроножом, его тело словно топленое масло разбежалось по полу. Хотя возможно это была и кровь – ведь в то время это не имело значения. Я заперла все двери, окна и мыслимые с немислимыми дыры в квартиру. Оставалось только ждать.

Мы переглянулись с Эмбер, и она неслышно стала шевелить губами, разговаривая со мной, пока рядом разносились жестокие возгласы. Это было что-то вроде игры, когда каждый намерен сказать нечто важное своему партнеру о чувствах или последних мыслях. Но в итоге получилось то, чего я не ожидал. Это было еще одно мыслепреступление, а именно стих, что был под запретом, как и любое другое творчество:

«Забейся в одиночество и жди:

Возможно, лишь тогда, к тебе украдкой,

Заглянут в голову мечты.

Своей дурной, бессмысленной повадкой.»

Доктор Сара встала и попыталась призвать всех к порядку, успокоив, как минимум, самых громких подстрекателей из толпы, но Эмбер в свою очередь показала жестом, что это лишнее. Если исход один – чего же бояться, – будто бы пыталась сказать она доктору, а после встала и вздрогнула, как будто приняла словесную пощечину в свой адрес. Но на толпу это

не произвело никакого впечатления. Никто из них не пытался понять суть поступка, но зато разглядывали сам поступок. Они испытали страх за себя, но прятали его за злостью.

– Все закончилось тем, что я начала молиться, – произнесла Эмбер и люди чуть притихли. – Да, представьте себе женщину, – стоящую на коленях в крови и молящую о помощи того, кто давно покинул эту землю. О создателе говорили многие, но обсуждали его так тихо, что услышать его могло только такое отродье, как я. И да чего же это было абсурдно! Стоять на коленях рядом с вонючим куском сала и просить о прощении того, кто может и не смотрит даже на нас. А если и смотрит, то только сквозь пальцы, закрывая весь этот ужас от своего самолюбия. И в этом случае кто кого испугает, а кто кается за грехи – это еще очень большой вопрос.

Она замолчала и внутри нее последний раз вспыхнул огонек. Разумеется, в этих словах я видел и нотки безумия, как в принципе, и в любой другой женщине. Только при всем этом ее исступление было словно ароматная нотка вина или столь всеми любимый хруст настоящего, свежего хлеба – приятное дополнение характеризующие натуру и личность этой женщины.

– Теперь вы знаете, – сказала Эмбер и снова села на свое место, фамильярно обрывая все, о чем говорила ранее. – Я не помню, как произошли роды и почему я пыталась убить ребенка. Когда я пришла в себя меня уже схватили и доставили на реабилитацию в это самое заведение.

– И что в итоге? – уточнила Сара, дабы убедиться в собственных догадках о чувствах, что испытывала эта пациентка.

Но Эмбер ответила не сразу, будто размышляя о том, что осталось действительно важное перед тем, как она прыгнет в эту пропасть небытия и забудет все, о чем говорила.

– А что будет с моим ребенком? – вымолвила из себя она и затихла, будто бы и вовсе не ожидая услышать ответ. Но он упал ей как снег на голову.

– То же самое, что и с остальными, – без зазрения совести ответила Сара – Его научат быть человеком и видеть мир замкнутым без права на выход. Ему придется понять, что человек – это бремя, которое необходимо нести, с осознанием этого факта. И ему придется понять, что от кого бы он ни родился, единственная мать, которую он должен знать и уважать – это Республика. Ваша роль в его жизни окончена и от лица вышестоящих мы приносим вам благодарность за проделанную работу.

Эмбер нахмурилась и собиралась что-то ответить, но вовремя взяв себя в руки, произнесла просто и скупно:

– А как же то, что я мать?

– Ампула родителей в спектакле воспитания – лишь переоцененная декорация. Сама природа ни раз доказывала, что чужой род или даже вид вполне способен воспитать не их собственное дитя. И при этом их чадо вырастало здоровым. То бишь, род сохранен, а не это ли главное?

Пациентке ничего не оставалось, как молча кивнуть и встать. То, что последовало далее никто не ожидал увидеть: проститутка словно одичавшее животное, выпрыгнув из человеческого обличья, набросилась на доктора с когтями. Сил ей не хватило, чтобы хоть как-то серьезно навредить андройду, но на лице Сары после драки остались тонкие линии разрезов. Руки пациентки, словно опасные лапы хищника, ударили раз за разом, не вникая на кровь льющуюся из тонких, но опасных пальцев. Однако, вся сила и ярость очень скоро стали сходиться на нет.

Закончилось все это так же быстро, как и началось. В кабинет вбежали несколько громил и резко оттолкнув Эмбер потащили ее к выходу. Сама проститутка смеялась и кричала во все горло:

– Твой вопрос порождает ответ! Лучше задай мне такой вопрос, чтобы он породил вопрос во мне самой!

Значения этих слов не удалось понять даже мне, потому я отнесся к этой сцене как к помутнению рассудка светлого ума. С какой бы стороны я ни посмотрел на ситуацию, но для меня Эмбер оказалась победительницей. Пожертвовав собой, она вышла из этого общества на щите – непоколебимо отстояв то, что было действительно важно для нее самой.

– Надеюсь, что более такого не повторится, – произнесла доктор Сара, обращаясь к каждому из присутствующих. Пришла в себя она очень быстро и как ни в чем не бывало уже сидела на своем месте. – Ну, а теперь на очереди Макс Хоук.

Как я уже понял, сопротивляться было бы бесполезно и глупо. Самый простой выход из любой ситуации – принять себя, каким бы ты не был. И если они хотят узнать кто ты – просто покажись им тем, кем они хотели бы тебя видеть. Не обязательно врать, если можно говорить правду, обходя щепетильные вопросы.

– Меня зовут Макс Хоук, – произнес я, когда встал. Затем поднял голову к потолку, чтобы размять шею. – И именно я совершил все те преступления, слухи о которых ходят уже не первый месяц. Позвольте встать перед вами на распятие!

7 Смит

– А мне все кажется, что люди совсем не такие, какими должны быть, – размышлял в слух Макс Хоук, пока машина мчалась по воздушному шассе, направляясь в участок. – Наверняка ранее мы не имели друг с другом ничего общего, а потому даже не пересекались. Пока однажды какой-то дурак не сказал, что красный фрукт на дереве – это долбанное яблоко. И вот все уже умеют разговаривать. Потихоньку мы создавали свободное общество. Только в итоге это не обобщало, а порождало тюрьму. Медленно, шаг за шагом. И теперь нам из нее не выбраться.

Эти мнимые идеи, минуя меня, улетали на улицу и падали в грязь, где погибали так же незаметно, как и появлялись. Почему, спросите вы? Потому, что этот дерзкий, длинный и пафосный слог постепенно подводил своего владельца к месту расправы, где должен был совершить предначертанное им правосудие. Но внезапно в самом конце, когда и тормозить было бы бесполезно, – останавливался и замирал. Потому как сознавая, где простилается черта закона – все в нем, достигнув апогея, мертвело, оставаясь незаконченным, неспособным расставить все точки над *i*.

И интересно, что на этот счет сознавал наш многоуважаемый Искусственный Интеллект? Если бы знал его лично, то непременно спросил: «Почему Вы позволяете этому быть? Почему не предотвращаете появление нашего человеческого Эго и закрываете глаза, когда оно уже молит вас о суровой каре? Почему не отправите на плаху того, кто своей феноменологией травит не только душу некоторого индивида, но и душу целостного общества?». Но ответ, почти наверняка, значился бы таковым: «Все в пределах погрешностей и констант». А константы, как уже многим известно, прекрасны только в безжизненном математическом исчислении, где невозможно найти точки соприкосновения с объективной реальностью.

В такие моменты начинаешь невольно осознавать, что жизнь – не более чем цирк, где кто-то жонглирует, кто-то смешит, кто-то идет по канату в надежде не упасть в порок и безумие, пока за всеми нами наблюдает публика и голословно восторгается представлением.

Машина, замедлив ход, повисла в воздухе. Внезапно на гигантском здании, располагавшемся в непосредственной близости от нас, появилась огромная голограмма нагой женщины, весело расхаживающей из стороны в сторону. Чуть ниже ее пролетали вывески с рекламой, освещая неоновым светом проходящих людей. А на светофорах проецировались голограммы с человеческий рост и подлетая, рассказывали о своих услугах, предлагая буклет с невообразимо огромной скидкой в два процента. Порою мне казалось, что я живу не среди гигантских архитектурных монументов, а среди бесконечного множества рекламы.

– А ведь эти программы возможно даже счастливее нас, – внезапно долетели до моих ушей слова Макса.

– О чем это ты?

– А разве не понятно? Каждому из нас андройды выдают смысл, но нам он не всегда импонирует или мы не всегда его понимаем. А они? – тут он указал на все эти рекламные голограммы. – Они не способны мыслить, как, например, ты или я, но они идеально выполняют требуемое с улыбкой на лице. Они не понимают, что существует жизнь, помимо той на которую их запрограммировали, от того и не нуждаются в копании среди собственных мыслей. А значит – те, кто вполне мог бы пережить нас, оказываются вынужденными существовать со стремлением к человеку, то бишь тому, кто будет задавать им цель. Но не этого ли хотим и мы сами? Иметь возможность лишь делать – быть в подчинении не у своих идей, а того, кто окажется выше?

Постепенно с неба начали падать горькие слезы затянувшегося неба, дабы оросить эту землю и омыть черствых людей от бытийных проблем и мыслей. Под нашей машиной, что располагалась не так уж близко к земле, но и не так высоко к небу, стали появляться прозрачные

зонтики, по бокам оформленные разноцветными неоновыми лентами. Город расцвел и заиграл красками, когда за ним пришла тьма с надеждой поглотить все живое.

Потихоньку мы тронулись с места.

– Послушай, мне не так уж и трудно выслушивать тебя целыми сутками на пролет, говори ты хоть о людях, голограммах, андроидах... Не важно. Если только, вместе с этим, ты будешь упоминать что-то нужное и по делу.

– Согласен, если человек будет говорить только что-либо ненужное, он напрасно потратит свое время и словарный запас, – будто бы подтверждая мою мысль, произнес Макс. – Но и когда он начнет утверждать что-то нужное, плата останется неизменной.

Решившись промолчать, нас настигла недолгая пауза.

– Вижу, что ты со мной в очередной раз не согласен, но оно и немудрено. С мыслью человека будут солидарны, только когда придет анархия и люди смогут свободно выражать все, что их гложет. Только вот в этом строе уже не будет никаких мыслей и обсуждать окажется попросту нечего. Дилемма, ей-богу.

– Дело не в этом, – раздраженным и чуть дрогнувшим голосом отозвался я. – Куда важнее сейчас решить, как действовать в сложившейся ситуации! Пойми, убит человек, и у нас нету ни одной зацепки, за которую можно было бы ухватиться. А людям нужен результат и закономерная правда, которую, как ты знаешь, мы еще не придумали.

– Правда бесплодна, а значит рожденные мысли в наших умах не ее дети! – мы резко пересеклись взглядами. – Хотя, впрочем, мне стоит иногда к тебе прислушиваться. Всё-таки, взять себя в руки и искать хоть какие-то зацепки – тоже крайне важно.

– Спасибо, – саркастично произнес я и отвел глаза в сторону. – Разумеется, ты еще зеленый. Честно говоря, чую, что тебе это дело будет даваться еще сложнее, чем мне. Но следует обходиться дружелюбнее друг с другом. А в идеале – говорить и спрашивать, только когда в этом будет хоть какой-либо смысл.

– Но ведь ответ и вопрос всегда в равной степени бессмысленны, – чуть слышно вспорхнула колкая, словно с холодного лезвия ножа, фраза Хоука, которую он, скорее всего, даже и не собирался произносить.

– Хватит! Прекрати! Все, о чем ты твердишь, – безумие. Но я не понимаю для чего? – рассвирепел я. – Для чего ты язвишь и стараешься быть таким инфантильным?

– Не знаю – он пожал плечами. – Должно быть хочу когда-нибудь проснуться и понять, что это всего-лишь сладкий сон, который так нежно обманывал меня на протяжении стольких лет.

Настигшая нас пауза теперь была уже не такой дружелюбной как ранее, однако она оказалась последней. Слова, что пробежали по кончикам наших губ и разделили друг от друга двух участников беседы, вероятнее всего, заделали или даже обидели Макса. Ибо на тот момент я не знал и, более того, даже не задумывался, какой сумасбродный мрак, прикрывающийся голосом разума, хранился в черепной коробке этого человека.

Стало тошно.

И, увы, мне, за этим событием, не представился случай уйти внутрь самого себя, выискивая возможность более никогда не контактировать с этим миром, (не подвластным моему сознанию), потому как, внезапно и удручающе зазвучал звук сирены, напомнивший о давно ушедших днях.

Как и следовало ожидать, этой реалией заинтересовался не только я, но и множество других людей, что были неподалеку. Все они казались мне жалкими и ничтожными, превратными и ленивыми, скупыми и глупыми. Причиной тому был район, где они жили, а если конкретнее, номер десятый, откуда я старался как можно скорее добраться в двенадцатый, полицейский.

Разъясняю – все районы делились между собой по значимости живущих там людей и по опасности, которую могут принести эти же люди Республике. Всего номеров было двенадцать,

где с первого по пятый существовали немощные, больные и зараженные радиацией люди, чья жизнь была обречена еще до рождения и за которыми необходим был хороший присмотр. С шестого по девятый – копошились загруженные вечной работой и развлечениями обыкновенные трудяги, чей смысл заключался в интернете и телевидении, а значит и надзор за ними нужен был средний. В десятом и одиннадцатом – обосновались люди, чьей задачи было сидеть в офисах и заниматься политикой, и где между собой делились как власть, так и финансы. Смотрели за ними нечасто – они и сами неплохо справлялись, донося друг на друга.

Естественно, блуждать по этим зонам разрешалось лишь в убывающем порядке номеров, где никто бы и словом не обмолвился, увидя, как некто, (пусть даже вы), пересекает черту десятой зоны, направляясь в первую. Но вот обратный процесс оказывался значительно сложнее, ибо вопрос о возвращении в собственную обитель являлся долгим и трудоемким, а потому мог занимать умы вышестоящих органов неделями или даже годами, если вы вызывали подозрение или забывали взять все необходимые, подписанные документы.

Привилегиями не мог похвастаться даже отдел полиции, поэтому приблизившись к блок-посту, разделявшему зоны, нашу машину остановил и окружил взвод экипированных солдат. Их форма частично напоминала ту, в которой, у места преступления, был полицейский. В руках каждого имелось необычное оружие, похожее на довоенный автомат, чьи пули вводили в кому, дабы не ранить и не убить.

– Слава Искусственному Интеллекту! Слава Победе! Ура!

Ряженный в черный мундир с бесчисленным количеством наград красных оттенков и в начищенных до блеска сапогах капитан вышел из этой группы и закрывая половину лица, в качестве формального приветствия, повторил слова:

– Слава Победе!

Мы с Хоуком знали, что традиции порочили развитие во времени, но ничего не предприняв и не отдав честь в ответ, могли показаться крайне подозрительными.

– Слава Победе! – громко и наигранно последовал наш салют всем стоящим солдатам. Однако оружие от этого они не убрали, а даже наоборот – наострились, как бы следя за всеми действиями, словами, мыслями.

Пристально вглядываясь в кабину нашего автомобиля, будто выискивая то, за что можно было бы нас задержать, капитан протянул ладонь, намекнув на выдачу необходимых ему документов. В темноте его глаза блеснули ярким голубым отсветом, и в моем сознании вспыхнуло пугающее, жженое и терпкое слово «андроид».

Переполошившись, я достал паспорта и бланки из пыльного и грязного бардачка, аккуратно передав ему все, что было. Капитан начал неспеша знакомиться с кипой, пока остальные ждали приказ к очередному действию.

– Прошу прощения, сэр, – начал я, но андроид остановил меня поднятой рукой. Только после того, как он дочитал предложение и взглянул в мою сторону, мне было дозволено продолжить свою мысль. – Маяк включается только при крайне важных обстоятельствах, и я не слышал ранее, чтобы он вообще работал. Почему же именно сегодня все переменялось? Что произошло?

Я замолчал – капитан перевел взгляд на формальные бумаги и многозначительно вздохнул.

– Сбежал один из нулевых.

От столь легко произнесенного заявления, я пришел в смятение. Нулевыми, или по-другому забытыми, называли тех людей, чей мозг не справился с огромным числом процедур стирания памяти, и их мысли, позывы, слова, действия перемешивалось в один большой несуразный коктейль. Все, о чем они помнили, будь то запахи или целые отрывки из жизни, – все вызывало необъяснимую агрессию к людям и андроидам, что находились рядом. Потому безумцев и запирали в камерах-одиночках, где они были вынуждены доживать свои дни без

общения, света и свободы. А самое страшное было то, что разгадать до конца человеческий мозг было невозможно, из-за чего нулевыми могли стать как после первого стирания памяти, так и после двадцатого. По крайней мере так разъяснялось в интернете главнокомандующим андроидом, но собственными глазами я до сих пор нулевых не видел. Встреча с ними мне казалась противоестественным миражом, который не должен стать явью.

– Хоук, – обратил на себя внимание Макса андроид, – здесь сказано, что ты работаешь только год на этом месте. Весьма мало, чтобы добиться успеха, но весьма много, если для тебя эта работа была временной. Мы можем изменить его... Дабы оно не ушло впустую...

– Что есть год по сравнению с жизнью и что есть жизнь по сравнению с годом? Забавно, но понятия разнятся, если только поменять местами два слова. Нужно осознать, что год большой ошибки заменит жизнь, стоящую из мелких, так что я предпочту остаться, – ответил Хоук и опять отвернулся. Капитан же спокойно что-то черкнул у себя в бумагах.

Немногим позже он занялся досмотром у нас багажа на наличие запрещённых материалов вроде книг, фильмов, музыки, но убедившись, что все в порядке, дал приказ пропустить вперед. Опустив оружие, солдаты рассредоточились и отсалютовали в последний раз. Наша машина взлетела и с большой скоростью помчалась в участок.

Правда, особенно в тех случаях, когда мы не знаем ее истоков, часто кажется нам той вещью, что ответит на все вопросы, бушующие где-то в глубине души. Но в реалии она-лишь позиция одной из сторон, у которой и своих нерешенных загадок предостаточно. Спросил ли я тогда у Хоука, что значит этот диалог? Нет. Укрывшись будто неким одеялом от посторонних мыслей, что бродили вокруг, я начал разбирать по косточкам один единственный вопрос: «Имею ли я право существовать, если тот, у кого больше власти способен без колебания уничтожить мое бытие? Важна ли наша жизнь тому, кто выше нас по праву?» Ну, разумеется, нет, ведь мы детали одной конструкции, где каждый взаимозаменяем. Этому учат даже дошколят. Получается, что жизнь не стоит и гроша, пока нас легко заменить. Убить нас не могут, пачкать руки сегодня тоже не гоже. Да и зачем, когда место быстрой смерти заняла жестокая, длинная жизнь? То бишь для верхушек мы граждане с разумом бестолковой марионетки и мыслями, как у барана, – никчемные и безрассудные. Борьба за бытие своего рассудка не имеет права быть! Но и оканчиваться она по моей воле тоже не может. Я обязан стране, где черным по белому мелким шрифтом написано: «Жить должен, это приказ». И потому распоряжаться своей жизнью я просто не имею прав, как и своим бытием. Но хорошо, что всегда есть тот, кто ниже. Его-то уж можно ткнуть носом в закон и без проблем сказать: "Жри!", забирая те же права, что и у меня когда-то, (во славу будущего и стоицизма).

От обуявшего меня напряжения внутри появилась ненависть, пожравшая совесть. Чуть слышно, пока Хоук не смотрел в мою сторону, я произнес трижды: «Прости, создатель, за мысли мои скверные». И на душе стало сразу проще. Оттого с внутренней легкостью, я подлетел к участку.

С приглушенным щелчком, как это бывало при открытии довоенных замков или баночек с газированными напитками, Макс достал из упаковки треугольную, разукрашенную всеми цветами радуги таблетку и сразу ее проглотил.

– Это что? – с недоумевающим видом обратился я к нему, но тот невозмутимо поскорее спрятал содержимое обратно в карман.

– Ничего, тебе показалось.

Он резко открыл дверь и вышел.

Сам я уже не стал ни о чем его спрашивать или уточнять – затея это была бесполезной. Потому как подобным образом, отречено и кратко, мог ответить только человек отчаянно скрывающий что-то от других.

«Еще не время», – мимоходом проскользнуло у меня в голове, и я зашагал следом за Максом в участок. – «Еще не время.»

У самого входа нас ждала Роза. Перебирая в руке какие-то бумаги, она побежала к нам на встречу.

– Стен Смит! Стен Смит! Я бы хотела вам кое-что рассказать о расследовании, мистер Смит! – от ее стрекотания со всех сторон стали возникать смешки и укоризненные взгляды.

– Прошу прощения, Роза и Макс, но сейчас я спешу, – наотрез отказавшись от диалога, пригласил их вместо этого, зайти к себе в кабинет. Они охотно согласились и разместились на уютном диване напротив стола, а я тем временем вышел, сказав напоследок что-то вроде: “Чувствуйте себя как дома.” Затем, понимая, какой серьезный выговор могу получить за опоздание, быстро зашагал по коридору, придумывая оправдания на любой случай.

Подойдя к самой обычной и ничем не примечательной двери, обремененной разве что табличкой «Директор», выполненной из иридия, я остановился и вздрогнул. Прокашлявшись, снял шляпу, привел в порядок волосы и костюм. Только после проведения этого чопорного ритуала от всякой неудачи, постучался. До меня донеслось: “Входите, открыто”.

Обстановка внутри была и так не из самых приятных, так еще ситуацию усугублял жуткий холод, что встречал всяк сюда входящего.

Повсюду были полки с законниками – дорогими изданиями, набитыми правилами и годами, которые выносить из этого кабинета категорически запрещалось. За их просмотр нужно было платить баснословные деньги, а взглянув на их обилие в этом кабинете, меня поразило количество денежных средств, получаемых нашим директором от простых граждан, что это читали. Хочется отметить, что воров наказывали в точности, как и мыслепреступников, а потому: осмеливавшихся на прочтение чего-либо без оплаты оказывалось немного.

На стенах висели фотографии, но выполнены они были так уродливо и безвкусно, что смотреть на них просто-напросто не хотелось. Изображены там были люди, управляющие сейчас Республикой и андройды, консультирующие их в этом.

И, наконец – проектор. Он наполнял безжизненный экран видеофрагментами войн, смертей, наказаний и прочей страшной правдой жизни. После каждой такой сценки появлялся знак Республики – перевернутый рисунок глаза, означающий присмотр, защиту и веру, что подарил нам великий ИИ, которому каждый из нас должен быть безмерно благодарен.

– Эта погоня прошлого за счастьем и благополучием каждого – та еще заноза... – внезапно произнес директор, прикусывая зубами кончик душек очков. – Для меня это бессмысленная клоунада, которая смердит и выглядит чересчур отвратно. Средства же для достижения этой цели слишком кроваважны и оставляют вкус холодной слезы, там, на щеках. Так зачем людям такое счастье?

Неожиданно я растерялся.

– Прошу простить за то, что отвлек вас от дела, а также зашел не поздоровавшись, – сразу заговорил я и поклонился в качестве извинения.

– Ничего страшного, – спокойным и уверенным тоном произнес директор, а затем указал на стену легким кивком – Сейчас как раз начнется моя любимая часть.

Внезапно пугающий глаз Искусственного Интеллекта закрылся и исчез, а вслед за ним стали проявляться старые, но знаковые видеофрагменты прошлых лет. Раздался взрыв такой оглушительной силы, что камера перевернулась, пленка потихоньку начала выгорать. Когда же экран стал практически белым, крупным планом показали жертву трагедии. Ракурс не менялся, ветер не убаюкивал пепел, время мимолетно шло вперед. Что-то сжалось у меня в груди, но я сдерживал свои эмоции, продолжая стоять.

– Вижу, вижу... В твоём возрасте меня тоже завораживала смерть этой девушки, – директор подошел ко мне поближе – Шелковые волосы, прекрасные глаза, тело только-только начало разлагаться, так что нежные черты еще различаемы в этих складках кожи. Порою мне даже не верилось, что та была мертва. Вполне возможно у нее были цели, амбиции, счастье и десяток

другой любовников, но запомнят ее только как безжизненное тело, вынужденное быть показанным каждый день на экранах.

Я удивился: с какой долей иронии и чувственности были произнесены те слова! Казалось, будто что-то пробудились в этом черством человеке и теперь рвалось наружу.

– Но, сэр, разве смерть достойна того, чтобы ее упоминали? – вылетел из меня неожиданный протест. – Если вам интересно, то мне она кажется обычной, безнравственной и ничтожной, а потому уход одного человека не должен задевать остальных! Ведь подобное ознаменовывает грядущие перемены!

Легкая улыбка коснулась губ директора.

– Разумеется это так. Просто смерть подобна женщине – прекрасна тем, что своевольна. В этом и есть ее истинная притягательность, красота.

Еще какое-то время мы молча смотрели оставшиеся отрывки из кинолент, пока электронные часы не пробили двенадцать.

– А! Вы сегодня вовремя, – заметил директор и уже с сухостью в голосе добавил, – Что же, было бы глупо не поблагодарить вас за экономию чужого времени. Тогда, может, чаю?

Отказаться от столь великодушного предложения я не мог, да и не сильно-то хотелось. Продукты питания для обычных граждан почти всегда были искусственно выведенными, безвкусными и в малых количествах, а работа на верхушке власти подразумевала удивительнейшие преимущества: так, например, у директора всегда был сладкий вкусный и, что самое важное, настоящий чай! Однако, пил он его редко и чаще всего старался не выделяться среди окружающих.

Поставив сервиз на стол, он открыл банку с ароматом солнца, отчего помещение окуталось в запах лета. Казалось, что даже вечная мерзлота, царившая в этом кабинете десятилетиями, стала потихоньку сходить на нет.

– Мало кто знает, – произнес директор, заливая водой листья чая, – но нельзя слишком сильно торопить события, если хочется увидеть и прочувствовать всю глубину вкуса. Вода должна быть горячей, но не настолько, чтобы обжечь листья. Появится горечь, от которой станет неприятно как вам, так и вашему собеседнику. Вода должна литься медленно, плавно обволакивая стенки посуды, специально предназначенной для этого напитка. Но и листьев должно быть немного, иначе послевкусие сможет показаться неприятным, – тут директор убрал все лишнее, поставил сахарницу с сахарозаменителем и сел напротив меня, – но если сделать все правильно, то результат оправдает все вложенные в него ожидания.

Я улыбнулся, не зная, что ответить на необычную и настораживающую речь директора. Но стоило мне попробовать напиток, как все мысли, словно подхваченные ветерком, унесли меня вдаль.

– Вижу: вам понравилось, – заметил директор с улыбкой. Произнес он это черство, будто переходя к делу так плавно и незаметно, что если бы не мое чутье, то мог застать меня врасплох. – Такой вкус не появится от пакетированных чаезаменителей, хотя в них тоже есть какой-то шарм. Все как с людьми – в одних ты вкладываешь силы и идеи, отчего они становятся стоящими, а других, которых пруд-пруди, не трогаешь, ибо и впоследствии ничего кроме горечи они не вызовут.

Я спокойно сидел и кивал головой в такт словам будто бы понимая, о чем речь, но сам только и дожидался, когда, наконец, будут те самые, необходимые мне разъяснения.

– Вы наверняка слышаны про этот случай с Эллой, – на одном выдохе произнес директор. – Бедная девочка.

Я удивленно на него покосился.

– Впервые слышу! Да, мы несколько раз виделись, так как находимся в одном отделе, но ничего более меня с ней не связывает. Только приветствие и прощание, само собой, для вежливости и корпоративности, а большего и не нужно для слаженной работы, сэр.

Мой ответ удивил и даже покорило директора, но на большие эмоции его не пробил.

– Чудно, чудно, – ответил он и показал жестом, что его это не касается. – Но вы должны были заметить, какая у нее бойкость и активность! Ее несколько раз награждали за старания и желание работать, а в скором времени она должна была получить новую награду – билет к самому Искусственному Интеллекту!

– Вот как, – с ухмылкой произнес я, – должно быть она действительно заслуживала такого подарка, раз вы о ней так лестно отзываетесь.

– Разумеется, – резко ответил директор, будто мой комментарий был излишен, а затем поднялся и стал расхаживать по кабинету. – Она начала расследование о самоубийстве, но в конечном счёте сама стала жертвой этого же происшествия...

Голос директора дрогнул, но он попытался скрыть это легким покашливанием. Однако я смог заметить и понять, что в этом человеке была скорбь о размерах, которой можно было только догадываться. Рассказать эту историю кому-то другому он вряд ли бы осмелился, так как прекрасно знал, что только я умею держать язык за зубами. А значит только я был свидетелем того, как наш лидер падает в собственных глазах.

– И вот эту девушку, ту, в которую я вложил столько усилий... – тут директор понял, что переходит границы формального разговора и, поправив костюм, снова вернулся в кресло. Посидев какое-то время спокойно глядя в потолок, он не произнес ни слова, а затем резко выхватил из-под стола папку и кинул ее мне, – в общем теперь у нас вот «это» – замена.

На лицевой стороне картона, сложенного пополам и заштампованного типичным словом "дело", была надпись: "Макс Хоук". Внутри этой папки не было ничего кроме стальной пружины, придерживающей всю тяжесть бумаг, что должны быть тут.

– Пуста, – с удивлением покосился я на директора и тот многозначительно кивнул. – Но это невозможно...

– Если папка пуста, значит, Хоука не существует, – пролетело в моей голове. – Он ходячее ничто!

– Верно, – ответил директор и скорчил гримасу отвращения. – Он нас не знает, мы его не знаем... Весьма удобно устроился, но этому не бывать! Когда я только пришел сюда работать, то увидел девушку, глаза, которой были живы, а тело мертво. Именно ту, что я показал вам сегодня на стене. Я заинтересовался ею, она была так близка и в то же время отторгала меня всем своим видом... А затем пришла Элла, и она была словно противоположностью той девушке. Глаза мертвы, но тело живо... Я сразу понял, что ее нужно закалять, дабы сделать лучше! Но где она теперь? Теперь она такая же мертвая, как и ее близнец в телевидении.

Директор замолчал и всем своим видом начал показывать, что мысли его находятся где-то там, в отстраненном и выверенном от чувств месте, потому мое присутствие было разумным, но не значимым, как, например, наличие ручки или бумаги на столе.

– Ты боишься? – тихо произнес он, но вопрос этот был задан скорее не мне, а ему самому.

– Нет, – я почувствовал себя не очень уютно. Казалось, что давний холод возвращается и мерзлотой окутывает меня сзади. По спине пробежали мурашки.

– Жаль. Страх удивительно полезная вещь, если используется по назначению. Хотя... Создатель им судья... Они говорят, что мне остался месяц, максимум два. Больше организм не выдержит...

– Что? – я удивленно стал разглядывать человека, сидящего, напротив. Как именно реагировать на произошедшее, мне не подсказывали ни совесть, ни знания, так как те вцепились друг другу в глотки и сражались за право быть мною ощутимыми. – Что вы имеете в виду?

– Ты все слышал. И не нужно делать такое лицо, иначе станешь той же бутафорией, как и все остальное в этом кабинете. Расстраиваться из-за сказанного я не собираюсь – тот, кто скорбит при жизни, не оплакивается после смерти. А тебе и подавно не стоит, так как лидера необходимо менять куда чаще, чем рабочих.

– В таком случае, что вы хотите? У нас слишком короткий срок, чтобы хоть что-то решить или сделать. Остается только поймать время и не дать ему идти против нас!

– Время – песок, ускользающий сквозь пальцы, а потому его и правда можно поймать. Но лишь для того, чтобы впоследствии тот упал еще кому-нибудь в руки. Не стоит лишний раз переживать из-за всех слов, что были сказаны мною сегодня. Задание, которое я хочу тебе поручить – простое. Право выполнять его после моей замены переходит полностью тебе. До тех пор – придется подчиняться.

Я кивнул, хоть и не согласился даже с половиной из сказанного директором. Вспоминая курс "общения с почти замененными" я перебирал слова, что могли бы помочь мне сохранить спокойствие, но все только корбило мое эго еще сильнее.

– Чем больше мы живем, тем больше у нас появляется правил, – подумал я.

– Человек, за которым тебе стоит пристально наблюдать, заигрывает с судьбой, – директор ткнул пальцем на папку Хоука. – А судьба в свою очередь любит за это мстить. Держи ухо остро и не забывай, что у тебя нет друзей. Уж не знаю кто он, но тебе предстоит это выяснить. Узнай, почему о нем ничего неизвестно даже в базах данных ИИ и самое главное – задумайся, что с ним делать. Словами здесь не разрешить проблему – а там, где язык бесполезен, удивительно полезны глаза и уши, что принадлежат самому ближайшему человеку – тебе.

После таких слов я громко засмеялся, заставив вздрогнуть директора.

– Шутите? Или утрируете? А, впрочем, все без толку и все едино... – я вновь посмотрел на него, но не заметил на лице ничего кроме удивления. В какой-то момент я понял, что смеюсь против воли, но то счастье было таким естественным! Незачем было от него отказываться. Я почувствовал свободу! – Сделаю ли я это? Хорошо. Но не для вас, директор, а для себя – ведь мне стало куда интереснее разобраться в деле. Расследование будет полностью в моих руках.

– Слова различны, но суть одна, – произнес тот и повернулся ко мне спиной. – Разговор окончен.

Покорно встав и поклонившись, я направился к выходу с приподнятым настроением.

– Сколько еще условностей мне предстоит перетерпеть, – утрируя, подумал про себя, но затем добавил – впрочем, условности – это загадка и решение всех проблем человечества. Потому нечего об этом и думать.

Выйдя из кабинета я почувствовал, что стал толи таким старым, отчего не было больше сил поднимать свои конечности, толи таким молодым, отчего забыл, как это делать. Счастье, что родилось от осознания открывшейся клетки, вспорхнуло и улетело на свободу, оставив тело за стальными прутьями.

Какое-то время я шел и вовсе не замечал, не слушал, что происходит рядом, но неприятное зрелище само нашлось и показалось. У двери стояла и дрожала всем телом Роуз. Люди освистывали, что-то кричали. В этом потоке слов разобрать причину было невозможно. Жуткая атмосфера агрессии и вечно излюбленного подавления наполняли помещение скорбью, не давая спокойно дышать.

За секунду до того, как та, наконец, сорвалась с места и побежала – мне захотелось окликнуть ее, позвать к себе. Но на то мне не хватало уже ни сил, ни мужества.

– Нет. – прошептал я. – Веселье – это то, что разделяют со всеми, а вот горечь... Горечь – блюдо одиноких вечеров. Здесь мое присутствие будет излишним.

Значительно позже, когда все уже разошлись, мое тело, ожило и понесло меня внутрь кабинета, где царил безопасность и неприкосновенность. Здесь все так же на кресле сидел Макс.

– Что произошло с.... – но не успел я закончить фразу, как услышал ответ телевизора.

– Тварь, дрянь, да таких как ты, давно пора исправлять! – с особой ненавистью до меня доносились слова Анны. Казалось, будто ее чувства были не наигранными, а настоящими, что маловероятно подходило бы для такой пустой оболочки, как она.

Макс, в свою очередь, просто смотрел, не выражая никаких эмоций.

Для меня хладнокровие было бездействием, ведь даже на ненависть нужно затратить силы. А он словно амеба безжизненно принимал все как обыденность, не впитывая и не отрицая данное ему настоящее.

– Здесь не о чем думать. – произнес Хоук и занял рабочее место, когда я злобно на него покосился. – При жизни ее не поблагодарят и не скажут спасибо. В конечном счёте лучшие награды это те, что выданы посмертно, так что давай работать, отдавая ее от этого дня...

Я кивнул и больше к этой теме мы не возвращались.

4 Смит

"Апатия – это оплот здорового будущего". Именно такими правилами этикета наполнялись порочные стены каждого уголка нашего замызанного мирка под названием "общество". Впрочем, офис не стал исключением и оказался разрисованным этим же мыслителем еще задолго до моего появления. Стена, что располагалась напротив стола и открывала проход любому, кто входил в кабинет, демонстрировала на себе догму: "Люди – первичны, человек – вторичен".

– Не спорю! – ответил я написавшему это послание, и, продолжая всматриваться в каждую букву текста, решил ответить. – Значим я или значимо мое существование? Одинок или одиноко общество, в котором живу? Живу ли я или жизнь проходит независимо от меня самого? Все лишь крайности, а я иду по середине. В голове одна мысль – не упасть.

После прочтения написанного я решил позволить этим словам жить дальше, но прежде хорошенько спрятать от посторонних глаз. И хотя формально мой поступок не считался преступлением, а потому сожаления и горечи за него мною не испытывалось, все-таки страх за потерю частички себя никто не отменял. Оттого, совершив предполагаемое действие, мне захотелось заглядывать вину, обращая свой ничем не обремененный тупой взор к пустой, белой стене.

В дверь постучались.

– Исполняющий долг да не исполнит его вдвойне! – поприветствовал главный надзиратель, зашедший с проверкой. То происходило так редко, что создавалась впечатление особой значимости каждой такой встречи. Его лицо было размалёвано ехидной улыбкой, собравшей в себе коварство и наигранность, что являлось качеством человека, не знающего ничего кроме бесконечной работы с заключенными в тюрьмах и офисах.

Он обошел меня сзади и осмотрел содержимое на столе:

– Перерыв?

– Да, Оливье. А вы, часом, не решили проведать как идет расследование? Если да – то нет. Пока еще не поймали, но зацепки есть.

Надзиратель склонился над бумагами и взглядом перебрал содержимое этого дела. Он казался одиночкой, бродящим без особого смысла. Скрупулезно представляя себе работу остальных, его собственные чувства меланхолии и приближающейся замены – только усугубляли состояние. Как известно, одиночество – это признак агонии.

– Нет, нет, – Оливье провел рукой по нижней губе, как будто убирая с нее тонкую струю крови, – я зашел позвать тебя на Смотр. Хоть это дело с продажей наркотиков и очень важно, тебе стоит немного отвлечься.

Я принял все сказанное пожав плечами. За разговорами я уже давно перестал находить что-либо большее, чем набор слов. Они стали самоцелью.

– Если вы настаиваете, то не смею сопротивляться.

Оливье тихо вздохнул, будто знал меня как старого друга и мои слова для него были ожидаемы. Поправив костюм и стряхнув с пиджака пылинку, что была видна только ему, он сел за стол и показал своим видом так называемую «власть». Но достаточно было одного взгляда, чтобы понять – это человек приземистый, как внешне, так и по уму.

– Стен, Стен, Стен, – медленно, выделяя каждую букву имени, произнес надзиратель и скрестил пальцы на животе показывая, что сейчас будет длительный нагоняй. – У нашего директора, как ты наверняка знаешь, есть толстые книжки – законники. Доводилось ли тебе их читать?

Я отрицательно покачал головой, что было правдой.

– Вы разочаровываете меня. Столько раз оказываться в этом кабинете из-за выговоров и ни разу не зайти по делу, – с кончика языка стало доноситься цоканье. – Впрочем это не

мое дело. В самом последнем издании, что так заслуженно подарила нам Республика, рассказано много нового и интересного. Например, вы знали кто придумал искусство, философию, литературу и музыку?

– Нет, – ответил я и, развернувшись, убрал руки за спину показывая принятие дальнейшего наказания.

– Искусственный Интеллект! – с восторгом произнес он. – А человек лишь бесстыдно опорочил своими несуразными мыслями его величие и благо. Мы уничтожили все достояние великого разума и теперь довольствуемся его остатками. Каждый из нас должен понять, что никому и никогда не переплюнуть созданное до нас – все уже придумано, все сделано, все осуждено. Только тогда станет ясно, что человек – само по себе существо наивное и податливое. Просто его попросили в это не верить. Как вы не верите в стыд.

Ненароком я показал, как сильно поразила важностью этих фактов, но на деле остался точно таким же консерватором. И на то у меня имелись причины. Например, люди всегда обсуждали то, во что сами никогда не верили. Эти учения не раз переписывались, опровергались старыми догмами превращаясь в абсурд. А впоследствии еще и оказывались необходимыми к изучению, что не было никому угодным.

Кончики губ Оливье еще сильнее растянулись, отчего создалось ощущение, что рядом сидел не надзиратель, а самый настоящий кот. Мое терпение как объекта воздействия постепенно подходило к концу.

– Что конкретно вы от меня хотите? – с вынужденной черствостью спросил я.

– Прошу простить, – Оливье встал с места. Голова его поникла от дум, ноги бессмысленно побрели к окну, а глаза остановились на толстых прутьях за стеклом, а ргіогі считающихся клеткой нашего настоящего. – Действительно, я подошел к вопросу с надеждой, что вы сами все поймете, но как видно... Лучше обо всем сказать напрямик и забыть, как о пощечине дамы, что подарила вам ее заслуженно.

Краем глаза он с надеждой на какую-либо реакцию обвел меня взглядом, но не найдя даже нотки эмоций, решил продолжить:

– Все дело в стыде и в том, что каждый должен его испытать. Разумеется, я не ставлю вопрос отчего он должен возникнуть лично у вас, так как эта вещь весьма индивидуальна. Но при этом стыд обязан существовать как аксиома. Как воздух или вода, небо или земля. История, в свою очередь, доказала нам, что идет с ним рука об руку! В разное время был разный стыд: от подавления религией до стыда любовных утех с самыми разными индивидами. Но сейчас, две тысячи сто двадцать седьмой год! История – дряблая старушка, доживающая свои дни в кинохрониках и законниках, превратившаяся из общего явления в частное. Мы должны поблагодарить ее хотя бы за то, что она возымела совесть и скончалась! Однако стыд, спешу заверить, остался и процветает. Он существует потому, что должен существовать и никак иначе.

– И что с того?

От такого вопроса Оливье передернулся и с искренней злобой взглянул на меня. Явно не рассчитывая, что я буду с ним говорить на равных, его чувство собственного достоинства пришло в упадок. Оказалось, что сложнее всего добиться равноправия между двумя мужчинами, когда каждый из них требовал власти над другим.

– Как это что? – взорвался надзиратель и резко развернулся. – Как это – что? Неужели так сложно понять, что стыд должен появляться у каждого! Стыдиться навязанных обществом правил одежды или, наоборот, стыдиться того, что не соблюдаешь их! Стыдиться эмоций или бессердечности! Стыдиться за сказанные слова или за тишину! За действия или бездействие! За наше прошлое и искусство в конце концов! Мы можем стыдиться всего и должны стыдиться всего, ведь только так у нас появится шанс стать лучше! Неужели вы этого не понимаете?

Какое-то время мы молча смотрели друг другу в глаза с надеждой, что кто-нибудь произнесет хоть слово и на этом закончится незатейливая игра.

– Мне нужен ответ: да или нет, – Оливье скрестил руки на груди.

– Обусловленность нашего выбора не подразумевает ответ "да" или "нет". Это скопление миллиардов вариантов ответов, где, как минимум, половина исходов не зависит от нас, – проскочила произнесенная мысль в моей голове.

Мне захотелось выйти из кабинета, пустив все на самотек, но страх последствий сковывал и не отпускал.

– Да, – сквозь зубы вымолвил я, отчего выражение лица Оливье немного обмякло. – Понимаю.

– Хорошо. Очень хорошо! В таком случае с тобой еще можно работать! – надзиратель отвел взгляд в сторону, делая вид, что заметил нечто интересное в другом направлении. – Запомни мой совет, Смит: несчастная жизнь не прячется, а хорошей – не восторгаются. Это то, что поможет тебе понять грань стыда.

Как только я собрался вставить комментарий, он жестом попросил меня закрыть рот.

– Нет, нет и еще раз нет, Я не собираюсь выслушивать оправдания! Когда человек защищает свои права, которые никто не ущемляет, – значит это онанизм. Подобно тому как он ублажает свое тело, точно так же он ублажает свое самолюбие. А ты еще к тому же болен. Болен нарциссизмом!

Мне было противно слушать такие оскорбления, но до того они были абсурдны, что уши с упоением вслушивались в каждое слово. Более того, мне даже показалось, что мы неплохо бы поладили, будь у нас шанс хоть раз выпить вдвоем. Алкоголь сделал бы нас глупцами, способными лучше понять друг друга.

– Ты смеешь смеяться? – с удивлением спросил надзиратель. – А ведь мне многое известно! Например, ты стал асоциальной личностью! Тебя уже сотни раз звали в кампании, где ты мог выпить, заняться утехами и просто пообсуждать проблемы! Но ты ушел в себя, Смит. Ты на пороге враждебности к людям, что были так добры к тебе...

– Но разве такое одиночество запрещено?

– Нет, не запрещено... – еле слышно вымолвил он, а затем закричал еще сильнее – Но это пока что! И не нужно так смотреть! Из-за того, что люди с тобой не общаются, они боятся! Они не знают твоих болезней, не знают твоих действий и, разумеется, не имеют представления о твоём стыде! Ты лишаешь себя права быть человеком!

– Так кто же я тогда, если не человек?

– Уж не знаю, Смит, но явно не патриот! Ведь патриотизм – это любовь к своей стране в любом ее проявлении и при любых обстоятельствах. Чувство, доступное лишь человеку, – даровано свыше для благодарности, а не ущемления! Чертов нигилист!

Сжатым кулаком Оливье с силой ударил об стол, создав гулкое эхо. Его лицо, словно младенческое, засияло от радости. Надзирателю нравилось выплескивать эмоции и заставлять людей верить в ненависть к нему, словно та присутствовала с самого начала. Понятие порока для него не было известным.

– Только так мне выжить, – размышлял он.

Однако чувство экстаза пропало так же незаметно, как и появилось, – достаточно было взглянуть на очертание лица: абсурдное, бессердечное, холодное. Оливье понял, что все это время спорил сам с собой, и горечь, катившаяся тяжелой слюной по горлу, теперь его убивала. Он устыдился.

– Ты порочишь наш коллектив так же, как люди, некогда тянувшие руки к запредельному искусству, – очень тихо вымолвил он, чтобы больше ни одно слово не оказалось за пределами этого кабинета. – Хватит уже этого. Просто будь, как все, и устыди индивидуума внутри себя. Неужели ты думаешь, что обладаешь чем то, чего нет у других? Чем-то, что помогает тебе...

– Я не думал об этом.

– Что же... К слову, обладать чем-то – неприятно, я бы даже сказал, глупо. Ведь так ты добровольно сужаешь себе тюрьму, что кропотливо выстраивало общество... – с каждым словом Оливье становился все тише, пока и вовсе не умолк, закрыв глаза на какое-то время. – Пойдем. Смотр нас освежит.

Его тело одрябло и стало на несколько лет старше: рука, что попыталась оттолкнуть в сторону, через мгновение отяготела и провалилась в пропасть отчаяния; глаза не смотрели, но отчетливо представляли неизменную гримасу нахальства.

– Действительно ли спор – единственно верный способ узнать, как далеко готов зайти человек ради своих идей? – застыл в моей голове вопрос.

Оливье попытался выпрямиться, позволив себе собраться, но почувствовал накопившийся страх. Впервые он понял, что его роль в этой жизни не так уж и важна:

– Просто он не понимает. У человека никогда не было прав, но всегда была обязанность быть как все. Нужно просто напомнить ему об этом...

Подойдя к залу и раскрыв двери, несколько человек начали пристально нас разглядывать. Их лица не выражали эмоций, но взгляды отчетливо твердили, что нам здесь не место.

– Нам всем тут не место, – ментально пытался ответить им я.

– Мест нет, – огрызнулся Оливье. – Повезло тебе, Смит. Увидишь все с лучшего ракурса.

Идем.

Не дожидаясь ответа, надзиратель развернулся и пулей выбежал за дверь. Шум, что изящно наполнял каждый уголок, непрестанно нарастал, свидетельствуя о начале представления. Улыбки от радости начали витать повсюду. Шум и абсурд стали двумя концами одинакового счастья.

Выйдя из обшитых тканью дверей и поднявшись по лестнице, я оказался в ложе для высших персон, где на важных заседаниях всегда сидел совет Республики. Хоть повсюду и находилась изысканная мебель с необычной посудой и вещами, я сразу понял, что с высоты – люди воспринимались размытее, непонятнее. В этом-то и была наша человеческая сущность: видеть большее в меньшем, обзревая общую картину, а не частную.

– Сейчас! – выкрикнул Оливье и свет моментально погас.

Наступило молчание. Огромная стена озарилась светом и началось необычное представление. Сначала показали что-то безобидное вроде фотографии трупа, но уже на этой стадии люди бились в конвульсиях и несли жесткую брань в пустоту. Вскоре картинка исчезла и на белом фоне высветилось черные буквы: "ЭТО ТЫ ВО ВСЕМ ВИНОВАТ", после чего повисло молчание. Затем показали видеофрагмент, где избивали плачущего человека. Он что-то кричал, но звука в помещении не было. С каждым новым ударом тело содрогалось все слабее и слабее, а затем и вовсе замерло, привлекая своими мертвыми глазами всех вокруг. Кто-то выкрикнул: "Все из-за меня!" и сразу поник. Кадры исчезли и появилась надпись: "ЭТО ТЫ ВО ВСЕМ ВИНОВАТ".

Мое собственное тело уже не оставалось мне верным и начало испытывать жуткий холод и мандраж. Неподалеку рыдали.

Следом высветились новые кадры и повисла тишина. На сей раз это оказался акт каннибализма. С невероятными деталями и подробностями камера показывала крупным планом мертвого ребенка и трех убийц. Их зубы пережевывали свежее, сочащееся кровью мясо, руки бороздили по внутренностям ребенка, а головы то и дело дергалось как от нервного тика. Вскоре один из убийц повернулся к камере и несколько секунд рассматривал ее темными, пустыми глазами. Казалось, что сейчас он с немым криком набросится на тех, кто был в зале. Высветилась надпись: "ЭТО ТЫ ВО ВСЕМ ВИНОВАТ". Затем на стене появился рисунок перевернутого глаза и через динамики стал слышен гулкий плач. Проектор погас и свет, появившийся

откуда-то сверху, указал на жертву, что была на подиуме театра. Ее лицо закрывал мешок, а тело, полностью оголенное, было привязано к стулу. Все слышали ее горький голос и видели надпись: "ЭТО ОНА ВО ВСЕМ ВИНОВАТА".

– Кто это? – спросил я у заворожённого Оливье.

– Не важно! Главное – наказание! – весь зал, словно сошедший с ума, стал изрыгать брань на преступника. Кидали даже вещи, но, как правило, они не долетали и падали к оголенным ступням.

– Но за что ее посадили? – с настойчивостью одернул Оливье.

– Ни за что. Просто одна из заключенных «общества помощи».

– Но ведь нельзя наказывать ни за что!

– Верно. Наказания за ничто не существует. Закон всегда найдет, каким образом ущемить человека, – заставить молчать не его, но других! Устыдите же жертву или сами стыдливы будете!

Я впал в ступор. Осознание законности мероприятия должно было придать мне уверенность, однако, сам не понимая почему, я считал все сделанное отвратительным. Возможно, что когда-то моральные ценности стояли наравне с инстинктами. Это были ориентиры жизни, когда не знали, как поступать в сложившихся ситуациях. Пока единодушно не произошел ее геноцид. Мы оказались солидарны.

– Дрянь! Подлая, подлая!

Оглянувшись по сторонам, я понял, что никого кроме меня и Оливье в ложе не было.

– Вот именно! – смотря на мои блестящие, бегающие глаза, произнес надзиратель. – Покажи мне, на сколько ты понял! Покажите мне свои эмоции! Заставь поверить, что тирания это один из немногих верных способов познать этот мир! Заставь поверить, что ты такой же тиран, как и все!

– Устыдись, собака!

Моя рука вытянулась вперед и хаотичными взмахами попыталась что-то показать сидящей на стуле жертве. Голос, не по моей воле, разрывался от оскорблений. Тело не подчинялось мне. Однако мысли оставались по-прежнему неприкосновенны. В глубине души я стыдился за то, что сделал. Но такой стыд, – когда преступление уже сделано; был бесполезен! Теперь мне разрешалось только кричать, и я кричал так громко, как мог!

– Ты, кажется, вылечился, мой друг – уже спокойнее произнес надзиратель и похлопал меня по спине. Довольно улыбнувшись от проделанной работы, он собирался выйти, но в самый последний момент развернулся. – Ах да. Что бы ты не задумывал сделать, Смит, у нас есть стены. Не смей мыслить так, как они этого от тебя не просят. И, разумеется, не забывай стыдиться.

– Хаос образует систему. Система образует систематизацию. Систематизация образует хаос. Все идет к концу, чтобы затем прийти к началу, – вот и все, о чем я думал. – От меня требовалось отдача, упоение и восторг. От меня требовалось быть понятым, быть как все. Что я хочу? Что я должен хотеть? Как хотение создаст мою жизнь? Что есть жизнь? Что есть я?

Правда заключалась в том, что ответы на эти и другие вопросы человечество никогда не найдет. Все они являлись лишь абстракцией, то, чем можно было бы описать этот мир для разъяснений. Всё, что мы знаем по факту, – мрак, где по силуэтам в темноте рисуем мир представляемый, мир со смыслом. Действительность заставляет бежать от нее, не разбираться в ней. И не стоит быть наивными, обманывая себя в обратном. Мир, который мы спасаем от несправедливости, сам ужасно несправедлив.

Но за что хвататься в таком мире? В чем наше упование? Оно в источнике и антиподе всех спектров человеческих эмоций – в надежде. В этом мире, где все настолько абсурдно и бессердечно, нас спасает только она. Надежда на мелкие или большие радости жизни, на

встречи или разлуки, на работу или отдых, на смех или грех. Наши улыбки укрыты пеленой надежды, состоящей из мелких и крупных выборов. Дилемм выборов.

Я надеялся на то, что смогу помочь миру стать лучше. Сделать его, не преступая законы, не идя сломя голову вперед, не ломая судьбы людей, но... Оставаясь самим собой. Вот в чем состояла моя надежда.

Словно капля за каплей, сознание стало подчинять себе тело. Руки опустились, а душе-раздирающие фразы застыли на полуслове. Усталость повалила меня на пол. В последний момент одним только чудом мне удалось сохранить равновесие.

Бегло пробежав глазами по залу, я заметил, что никто больше не обращал внимание на жертву, сидящую на подиуме позора, а она, в свою очередь, перестала обращать внимание на нас. Теперь, когда это было бессмысленно и ненужно, вернулось равенство между всеми.

В конечном счете, когда в помещении из зрителей остался только я, мне тоже пришлось покинуть его. Окутанный сомнениями из-за слов Оливье, я проникся волнением. Мне было сложно понять, насколько глубоки были его знания. Одиночество было лишь верхушкой того айсберга, моей тайной жизни, о которой не следовало говорить. Но ведь пока под нашими ногами будет грязь, что мешает сделать даже шаг, никто не устремит свой взор к небу и не подумает о заездах, ведь так? Я лишь заботился о грязи.

Внезапно в самый последний момент, когда уже переступил порог, я заметил несколько человек подошедших к жертве. Все они было странно одеты в комбинезоны и маски с фильтрами, но один из них – старик в очках и плаще, не скрывался. Подойдя так, что лица не оказалось видно, он произнес:

– Поздравляю с выходом в новый сладостный мир, Роза, – после чего мешок полетел на землю. – Поздравляю с рождением.

8 Смит

Замкнутый в себе человек создает бытие внутри бытия. Он перестает существовать как личность, зато начинает сосуществовать как образ. Для такого человека жизнь – всего лишь фитиль, зажженный при рождении, что когда-то дойдет до бомбы и взорвется. Потому, все, что он может, это быть эгоистом.

В те редкие вечера, когда мне доводилось быть дома, свет, что мог бы придать помещению живости и радости, всегда оказывался отключенным. Мне необходимо было вымещать свои чувства, а потому только темнота, представляемая изящной женщиной, оказывалась достойна улажения и восхваления моим присутствием. Только ей было позволено слышать редкие всхлипывания, злобные крики и тишину.

Дом для меня был мнимым образом защиты от общества, самодостаточной ловушкой, в которую хотелось верить. Место, свободное от рамок социума и его привилегий, созданное для того, чтобы можно было быть самим собой, где свобода выражений имела право на существование.

Впрочем, это не совсем верно. Действие не так важно, как его противодействие. Мое одиночество было следствием замкнутости системы, а себялюбие – бессмысленным бунтом в рамках свободы.

Действие: в наши дни уже не существует рабов по принуждению, так как мы все рабы по рождению. Общество – лишь цепь из таковых, скрывающихся под нарисованными масками так называемой элиты. Каждый из них просит себе кость, дабы показаться славным псом.

Противодействие: потому одинокий человек опасен. Он не нуждается в одобрении и награде. У него есть возможность вымещать свою злобу в куда больших объемах. Он имеет право быть услышанным.

Днем я молчал, не шел против кого-то на открытый конфликт, действуя по уставу, как того требовало терпение. Но терпение – это одна из самых пагубных привычек, влекущая за собой бездействие, безразличие и множество фальши.

Мне пришлось быть одиноким, любить себя за истинные, но скрытые отличия. Пока не наступал вечер, где позволялось во всей своей красе показать кто я.

Крики, крики и еще раз крики разлетались по сторонам, но возвращались вглубь меня самого, потому как действие это было бессмысленным. Мы сами бессмысленны, так как являемся скоплением слов, мыслей, взглядов и воспоминаний, которые даже не принадлежат нам самим. Так что же при этом я пытался понять?

После слов и слез незаметно для себя я впадал в сон, находясь с таинственной по значению тумбочке. Я всегда засыпал с ней, не рискнув открыть дверцу и получить желаемое. Только будильник, звенящий и автоматически открывающий жалюзи на окнах, мог нас разлучить.

– Cauchemar – тихо проговаривал я и шел на работу.

С начала расследования минула уже неделя. Каждый день мы все ближе и ближе подбились к разгадке. Происходило это неосознанно, я бы даже сказал интуитивно. Дни сменялись друг за другом и казалось, все подчиняется единому закону времени – его неминуемой растрате на сущие мелочи. Пока, совершенно внезапно, когда и подсказок, казалось бы, уже не удастся найти, мы не наткнулись на необычные подробности:

– Беспечная Лиана! Умница! – подбежал ко мне вприпрыжку Макс. – Кто бы мог подумать, что действительно маленький и незатейливый человек оставит после себя что-то большее, чем черту меж двух дат. Читай!

”Имя: Лиана.

На момент смерти: 22 года. (2105-2127)

Внешние признаки: имеет черные волосы, внешность довоенной азиатки, атлетическое телосложение.

Комментарии: проститутка. Покончила жизнь самоубийством. Доказательств причастности к этому делу кого-либо другого не найдены. Среди вещей на жертве были: блузка, сумка, нижнее белье и бумажный самолетик.

Итог: дело закрыто из-за нехватки доказательств”.

– Но это же невозможно! – вытянул из себя я, поражаясь сходству с нашим делом.

– Всего лишь слова, – он вернулся к столу с улыбкой – Должно быть и еще что-то оставшееся от времени... Нужно найти!

С тех самых пор, не покладая рук, мы стали углубляться в иные дела и искать тонкие, как паутинки, связывающие нити.

С директором более встреч не происходило и не предвещались. Выцепить и поговорить с ним стало сложнее, так как, закрывшись в своем кабинете ото всех, что до этого никогда не происходило, он перестал общаться с персоналом. Ведь, все-таки, раньше фразы “уйти в себя” и “уйти в природу” значили одно и то же. Сейчас – все это заменялось запертой дверью и секретаршей, что, как груз на весах, стала появляться чаще в противовес возникшему явлению.

Часы шли, механизм работал.

Несколько дней кряду сон стал нашим последним желанием, уступая место безвозмездному труду, пока, наконец, наши усилия не были вознаграждены:

«Имя: Мартин Лютер.

Возраст: 40 лет. (2087-2127)

Внешние признаки: чуть толстоват, имеет русые кудри, грубые руки.

Комментарии: смотритель природы (садовод, выращивающий плоды на благо общества); небольшая зарплата. По совместительству жил с Лили Браун, помогавшей ему делить квартплату и цену за имущество. Ранее не был замечен за преступлениями. Покончил жизнь самоубийством. Среди вещей оказались: костюм, визитка и бумажный самолетик.

Итог: дело закрыто из-за нехватки доказательств.»

– Знаешь, что является антитезой фальши? – словно бы продолжая какой-то диалог, произнес Макс и уставился на раскрытое дело.

Я отрицательно покачал головой в недоумении: о чем конкретно меня спрашивают.

– Большая фальшь.

Наши поиски продолжались еще двое суток. Подолгу отказываясь от еды, мы уделяли время мнимому, несуществующему где-либо образу подсказки, что ускользал с каждой новой бумагой, опечатанной “Дело”. Как и многие, потеряв свои цели и радости в живом, мы начали искать их в мертвом.

– Это бесполезно! – наконец выкрикнул я. – Мы перерыли сотни, если не тысячи дел, и вряд ли нам удастся найти еще хоть что-то, кроме этих двух подсказок!

Хоук удивленно взглянул на меня. Его глаза ничуть не выражали усталости, а даже наоборот, пылали огнем буйства действий и удовлетворения. Для него все это являлось чем-то вроде увлечения, интересного времяпрепровождения.

– Тогда пора, – он взял в свои руки мобильный телефон с еще большим рвением желая разобраться в деле, явно не страшась ошибиться. Единоличничество убивало в нем страх перед новым и неизведанным.

Затем – тишина. Звонок, что должен был назначить встречу, улетел как свободная птица в даль, не оставляя после себя никаких новостей. Либо личность на другом конце провода не хотела брать на себя ответственность, выслушивая правозащитников; либо страшная тяжесть невзгод упала на плечи свидетеля происшествий, после которых отстранение стало единственной отрадой. Оставалось лишь назло схватиться за единственную появившуюся зацепку и, против воли ее обладателя, насильственно разгадать. Потому как настоящую личность можно

упрекать во многом, но действительно тяжкий грех заключен во всегда остающейся от нее информации.

Спустившись по ступенькам полицейского участка и направившись к машине, что красовалась неподалеку, мы были полны энтузиазма. Нам хотелось, чтобы все возымело привычку начинаться с нового, чистого листа и оставляло воспоминание лишь от внешнего вида, а не от чувств, оставленных после.

Перед ногами пробежал старый, некрасивый пес, которого я уже где-то встречал. Его вид оставлял желать лучшего: то и дело по сторонам болтались провода, а лапы раз за разом прихрамывали, когда в очередной раз их предстояло поднять. Несколько людей оглянулись, но никому не пришло в голову предложить помощь. Словно человечество сделало несколько шагов назад для разбежки, но сразу упало от одышки, глядя на предстоящий им путь обучения эмпатии.

– Эй! – оборвал меня на половине размышления Хоук. – Ты идешь?

Я многозначительно кивнул.

Дом, где проживала Лили Браун, распластался в районе под номером 6, что почти провалился в пучину бедности, но еще нерешительно покачивался на краю среднего класса, оставляя после себя некую неопределенность во всем. Хотя вполне возможно, что люди, живущие здесь, не обращали на это никакого внимания, считая подобное чепухой. Они понимали, что отвлечение от важного на яркое – мысль неправильная и в корне не выполняющая свою главную роль – решение проблем.

Все в этом месте насильно заставляло поверить в различие между вами и людьми другого звена, что оставляло яркий вкус отвращения к собственному имени. Однако, я испытал совершенно противоположное тому, что должно быть, чувство, – безразличие. Ко мне пришло осознание, что места, дома, машины, растения – были лишь фоном, а я, как хамелеон, принимал нужный цвет, прячась там, где придется. Эта особенность часто касалась людей. Им нравилось, они знали меня в той мере, которой хотели, но в критичный момент – я становился ничем. Лишь моментом в цепи безумия этого мира.

Подъехав к нужному месту, находящиеся там люди засуетились и разбежались в разные стороны, будто прижав хвосты от будущих побоев; несколько человек закрыли окна и спрятались внутри дома – словно занавески были одеждой, прикрывающей их истинную наготу.

– Они настороженны, – вымолвил я, поднимая дверцу машины, – или охвачены страхом настолько, что им не нужна наша помощь.

Ничего не ответив, Макс следом вышел из машины, и мы проследовали внутрь чуть покосившегося здания, выполненного настолько хорошо, что в этом месте казавшегося отвратным. На входной двери красовалась выгравированная вывеска: "Плодотворное ношение идеи – карается законом. Не порочьте обучение!"

Открыв ее и зайдя внутрь, нашему взору представился случай рассмотреть разрисованный подъезд изнутри, то и дело демонстрирующий необычайные изречения. Например, под окном, что открывал вид на близлежащий крематорий, была надпись: "Смотрите – в руках у нас есть целый мир, но за пределами он хотя бы настоящий"; или чуть дальше, где под автоматически настраиваемой лампой, (включающей необычные оттенки цветов в зависимости от вашего настроения), приманивающей мотыльков, располагалась надпись: "Уши и глаза закрыты – властвовать словам не над кем".

Люди будто бы не старались оставить после себя свое брэнное тело, а наоборот, с большой упертостью, бросаясь идеями и мыслями, желали стать чем-то большим – возможно, духом этих мест. Они верили двум вещам: силе голоса и свободе.

Обернувшись на обильное число этих запрещенных мыслей, бушующих как в океане ничто, можно было сказать о величии этих идей. Ведь чем ниже пал человек, тем громче он кричит; великаны переговариваются шепотом.

Но о свободе и говорить не приходилось. Раз за разом мыслепреступников вылавливали и стирали память, стены закрашивались и охранялись, пока не появлялся еще один человек, что напишет на стене свои мысли, и все начнется сызнова. Казалось, будто это уже не люди общаются со стенами, а стены, накопившие в себе столько идей, сами стали разговаривать с нами, обреченными на вечное бичевание разума. Словно свобода – это не об отсутствии границ, а об их сужении и расширении.

Дверь с номером 45-1 практически не выделялась от рядом стоящих: те же контуры, те же углы и сенсоры, проверяющие всех входящих и выходящих для защиты от преступлений. Разница лишь в цифре, что помогала найти свое пристанище среди бесконечного множества других; и в открытости входа, что серьезно выделяло дверной проем Лили Браун.

Изнутри доносились странные звуки, которые свободно гуляли по коридору, будто являлись обыкновенными жителями: то раздастся всхлипывание, то пробежит смех, то появится какое-то завывание – в сумме не дававшее ничего конкретного о том, что происходило на самом деле.

Одной рукой я аккуратно обхватил кобуру, а второй постучал по двери:

– Мисс Браун, это вы? Мы можем поговорить?

Наступила тишина. Казалось, тот, кто был внутри испарился или по крайней мере, очень надеялся на нашу в это веру. Но, окончательно убедившись в настырности и беспечности пришедших, спустя несколько минут послышались чьи-то шаги.

– Кто это? – донесся женский голос.

– Полиция Республики, мем. У нас несколько вопросов по поводу строго дела, касаемого самоубийства бывшего сожителя.

В дверном проеме показалась красивая женщина в ночной сорочке; глаза ее были голубы, как море, но спокойствия это не приносило, так как оно может быть тихим и нежным, а может бушевать, сокрушая скалы, снося все на своем пути.

– Каламбур и только, – ответила Лили и вздрогнула. – Никакого предупреждения, звонка и даже назначения встречи... Вы меня поражаете своим невежеством!

– Мы вам звонили, но так и не застали в нужный час, – спокойным тоном ответил я. – Почему вы так встревожены?

– Встревожена? Вздор! – в ее голосе и осанке появилась твердость. – Вы врываетесь и просите разговор по столь давнему делу, когда меня с ног сносит от забот, что липнут как мокрые листья. Где приказ или разрешение на мой допрос? Если его нет, то, думаю, мое решение для вас будет ожидаемым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.